Dmitrevskii, Mikhail

Ivan Susanin, ili, Smert′ za tsaria

Moskva

1888

BIBLIOGRAPHIC RECORD TARGET
PRESERVATION OFFICE
CLEVELAND PUBLIC LIBRARY

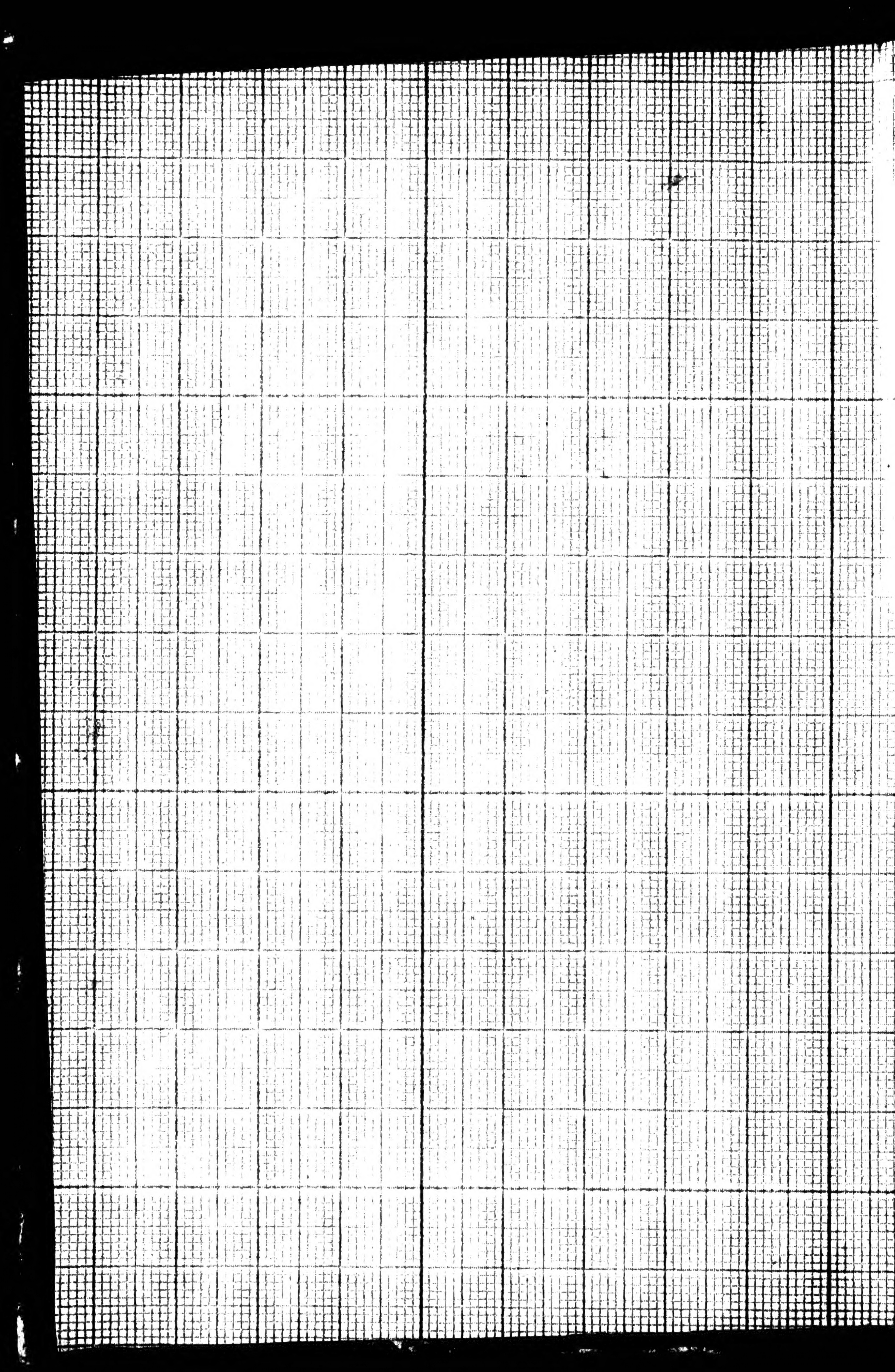
RLG GREAT COLLECTIONS
MICROFILMING PROJECT, PHASE IV
JOHN G. WHITE CHAPBOOK COLLECTION

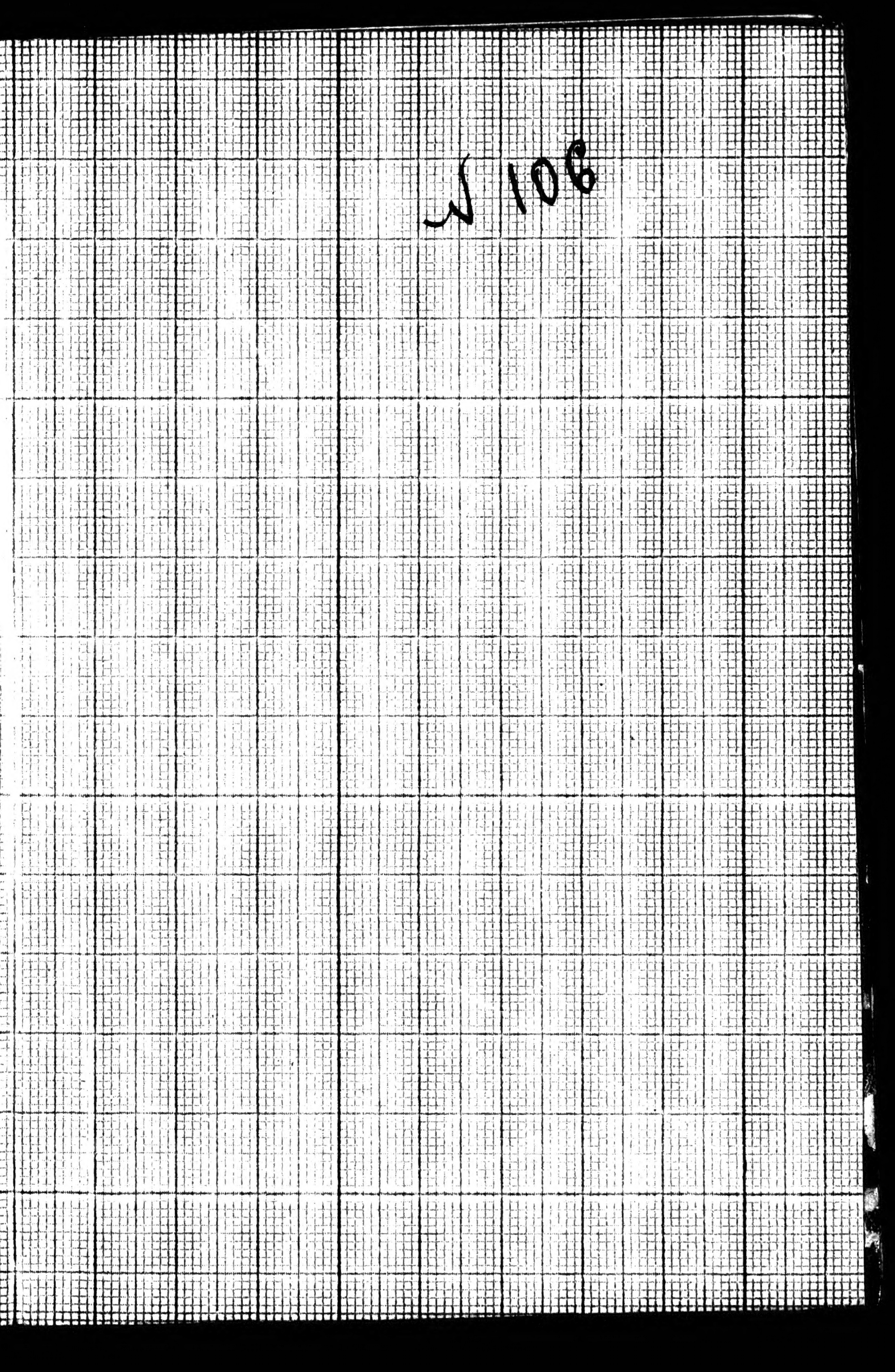
Master Negative Storage Number: OCI00049.04

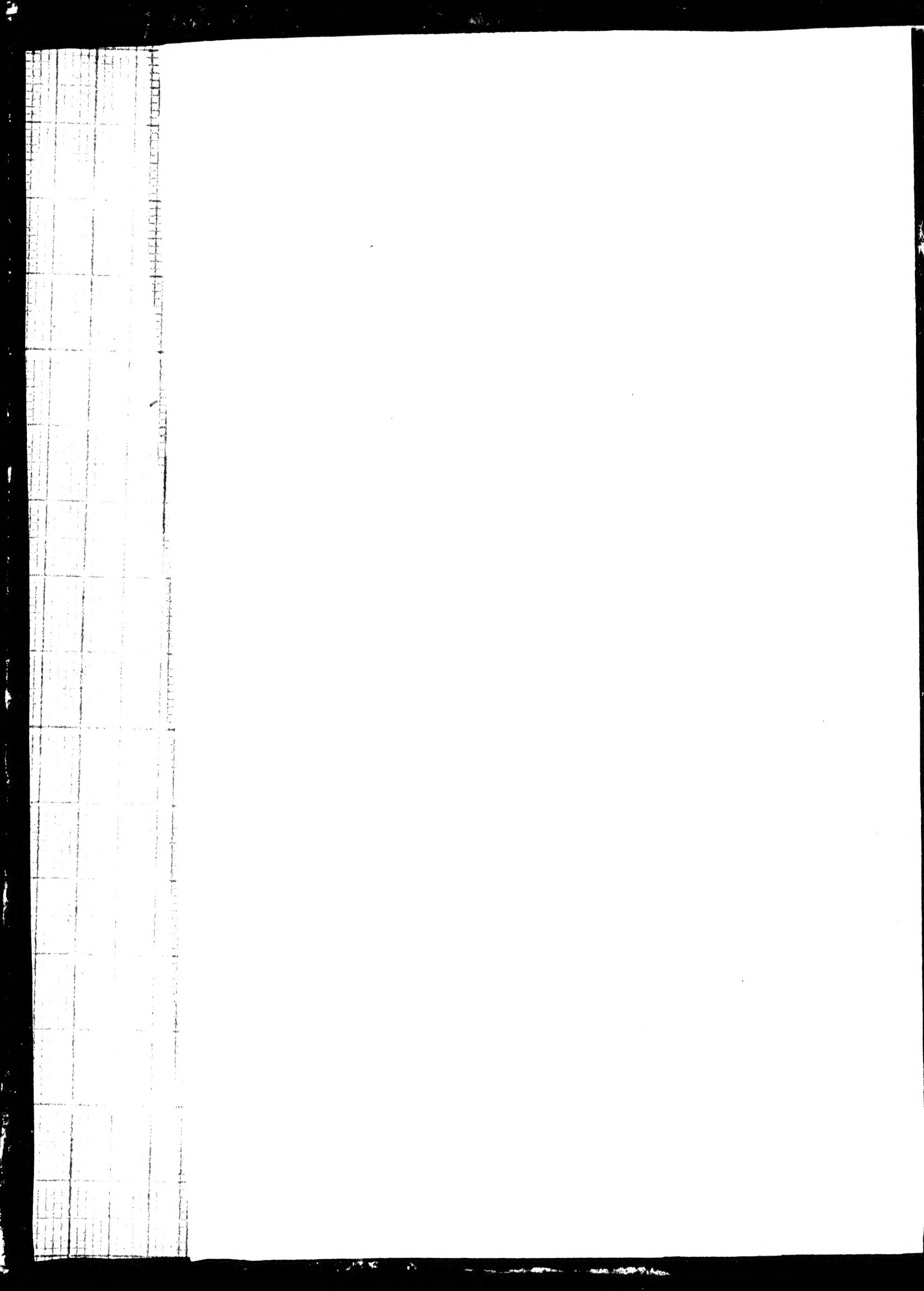
Control Number: BGL-7931
OCLC Number : 24854794
Call Number : W 381.5917B D649i
Author : Dmitrevskii, Mikhail.
Title : Ivan Susanin, ili, Smert' za tsaria : istoricheskii roman / soch. Mikhaila Dmitrevskago.
Imprint : Moskva : Izdanie P.N. Sharapova, 1888.
Format : 179 p. ; 17 cm.
Note : Color ill. on cover.
Subject : Susanin, Ivan, 17th cent. Fiction.
Subject : Chapbooks, Russian.

MICROFILMED BY
PRESERVATION RESOURCES (BETHLEHEM, PA)
On behalf of the
Preservation Office, Cleveland Public Library
Cleveland, Ohio, USA
Film Size: 35mm microfilm
Image Placement: IIB
Reduction Ratio: 8:1
Date filming began: 10-28-94
Camera Operator: CS

106

ли Смерть за Царя.

ИВАНЪ СУСАНИНЪ

или

СМЕРТЬ ЗА ЦАРЯ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ.

ЧАСТЬ. I.

„Боже! Царя храни!
Славному долги дни
Дай на зеили!“ *Жуковскій.*

Ссч. Михаила Дмитревскаго.

МОСКВА.
Изданіе книгопродавца П. Н. Шарапова.
Наслѣдницы О. В. Кузиной.
1868.

Дозволено цензурою. Москва, Апрѣля 13 дня 1888 г.

Тип. И. И. Байкова. Покровка, близъ Земляного вала д. Шишелова.

Иванъ Сусанинъ

или

СМЕРТЬ ЗА ЦАРЯ.

Благовѣстъ ранней обѣдни кончился, и мирные жители села Ипатьева толпами шли въ церковь Пр. Богородицы Казанскія. Осенній сумракъ еще висѣлъ надъ селеніемъ и изрѣдка свѣтъ утренній начиналъ прорѣзываться яркими полосами.

Въ это время кто-то тащился по улицѣ села Ипатьевскаго и, подойдя къ прекрасному домику, тихо постучался у воротъ и слабымъ, дрожащимъ голосомъ просилъ позволенія войдти для отдыха. На голосъ его послышался отвѣтъ, и скоро за нимъ отодвинулся запоръ и отворилась калитка.

Женщина, лѣтъ тридцати, пріятной наружности, показалась въ ней и ввела незнакомца въ калитку.

— Издалека ли, добрый молодецъ, путь ведешь? спросила женщина, вводя незна-

комца въ горницу. Какъ жаль мнѣ, что теперь не случилось моего свекра и мужа: они бы успокоили тебя; но, думаю, скоро отойдетъ обѣдня; полчаса времени—и ты увидишь ихъ.

Эта была Анна, невѣстка зажиточнаго крестьянина села Ипатьевскаго, Ивана Сусанина.

— Благодарю тебя, добрая моя благодѣтельница. О, пошли Господи тебѣ несчетныя милости за твое сердолюбіе обо мнѣ, проговорилъ незнакомецъ и двѣ крупныя слезы выкатились изъ черныхъ глазъ его.

— Ты спрашиваешь, добренькая, издалека ли я? продолжалъ онъ. Изъ Москвы ѣхалъ я въ Астрахань по дѣламъ *коммерческимъ* (*). Было все благополучно; но въ лѣсахъ Муромскихъ напали на меня недобрые люди; все у меня отняли, все—кромѣ одной только жизни, и въ добавокъ наградили вотъ какими подарками..

Здѣсь онъ раскрылъ грудь, и запекшаяся кровь на ранахъ доказала справедливость имъ сказаннаго. Увидя это, Анна вскрикнула и всплеснула руками.

— Да, моя благодѣтельница, еслибъ ты

(*) А ему нужно заѣхать было въ Муромъ.

знала всѣ мои страданія, продолжалъ незнакомецъ, то тогда ты еще болѣе ужаснулась бы, когда я сказалъ бы тебѣ о лютыхъ боляхъ во время пути моего, о голодѣ, жаждѣ, страхѣ отъ звѣрей, — словомъ, о всѣхъ ужасахъ осенней ночи...

Вдругъ послышался стукъ у воротъ.

— Ахти мнѣ! никакъ они стучатся. Подожди здѣсь, добрый молодецъ, а я побѣгу отпирать калитку. И Анна скоро вышла изъ горницы.

— Что это, Аннушка? иль согрѣшила — спала заутреню и обѣдню? возразилъ почтенный бородатый старикъ. Вѣдь мы голимя стучимся.

— Нѣтъ, батюшка, я не спала, оборони меня Господи! а заговорилась съ прохожимъ больнымъ, котораго недавно предъ вашимъ приходомъ впустила въ горницу для отдыха, отвѣчала съ робостію Анна.

— Больной, прохожій... гм! пробормоталъ сквозь зубы молодой крестьянинъ, идя сзади старика. Стало быть, Анна, ты не боишься быть одна съ чужимъ мущиной? Ай да хороша баба!

— Перестань, Павелъ, возразилъ старикъ, стыдно тебѣ этимъ укорять свою голубку!.. Ты долженъ благодарить Бога, что Онъ послалъ тебѣ такую сердобольную жену.

Они вошли въ горницу. Старикъ перекрестился и, поклонившись молодому незнакомцу, сказалъ: здравствуй, добрый молодецъ! Издалека ли, голубчикъ путь держалъ?

— Съ Москвы, дѣдушка, отвѣчалъ незнакомецъ. Да вотъ видишь ли, злые люди напали на меня, все отняли и въ добавокъ сдѣлали полумертвымъ человѣкомъ...

— Экіе окаянные злодѣи, вздохнувъ, сказалъ старикъ; ужъ имъ ли, проклятымъ, не гоньба и не страхъ; никакъ не переведешь эту злую сволочь. Судья имъ Богъ!

— Ну-ка Анюта прибавилъ онъ, усаживаясь на скамью за дубовый столъ, согрѣй-ка намъ тепленькаго сбитеньку; а мы попьемъ, да похвалимъ. Да не забудь же захватить на заѣдку горячаго загибня (*).

Старикъ этотъ былъ Иванъ Сусанинъ; и Анна, его невѣстка, поспѣшно вышла изъ горницы, а старикъ Сусанинъ снова началъ распрашивать незнакомца.

Да что дѣдушка, хорошаго мало: дерутся да бьются и только. Худо, худо!..

(*) Загибнемъ назывался въ старину у нашихъ предковъ большой пирогъ.

Замѣч. автора.

— Ахти горе! тяжко вздохнувъ, проговорилъ старикъ. Ой, да ужъ эти проклятые Ляхи не хуже Татаръ стали мучить святую Русь! Не придетъ на нихъ карачунъ!... А что дальше?

— Да худы слухи-то носятся, дѣдушка: будто бы король то польскій, чтобъ ему пропадомъ пропасть, хочетъ посадить на наше Царство православное своего сына, королевича Владислава...

— Что ты, что ты, молодецъ! вскрикнули, изумившись и крестясь, старикъ и сынъ. Господи, Господи! что такое?... Неужель и въ правду? Не доведи Боже до такой напасти! У насъ на Царство Русское есть еще законный наслѣдникъ, Михаилъ Ѳедоровичъ *Романовъ*. Хотя-бъ и его, нашего батюшки, не было, то лучше живымъ всѣмъ намъ зарыться въ сырую могилу, чѣмъ жить подъ властью басурманскою. Да и допустятъ ли до этого [illegible] храбрые витязи, князи и бояре! Статное ли дѣло. Что ты, молодецъ!

— Да такъ, дѣдушка: все правда твоя. Конечно врядъ ли допустятъ погибель эту на насъ, а слухи-то, право, плохи. Поляки заполонили Москву, эту нашу святую матушку; творятъ, что хотятъ. У нихъ и правый виноватъ и виноватый правъ... а

гдѣ судъ искать? Давай лишь хлѣба, котораго у нихъ нѣтъ; а голодъ-то дѣдушка, не свой братъ,—шутить не любитъ, то и рѣзня, да гражъ вездѣ... О, земля родная, святая Русь!..

У незнакомца полились слезы изъ глазъ, онѣ слились съ горячими слезами старца и его сына.

О, плачьте, плачьте, нѣжныя дѣти, о гибели горячо любящей васъ матери,—земли Русской!..

Отъ сильнаго душевнаго волненія у незнакомца взволновалась кровь, раны сильно заныли, и онъ, застонавъ, повалился на лавку.

Старикъ съ сыномъ, при пособіи домашнихъ, скоро подали помощь страдальцу; внесли его въ особую комнату, напоили теплымъ сбитнемъ, и онъ, успокоенный радушіемъ и сердоболіемъ добрыхъ поселянъ, скоро предался сладостному и спасительному сну.

— Какъ ни говори, Петръ, сказалъ Сусанинъ, усаживаясь за дубовый столъ, на которомъ стоялъ въ большой чарѣ сбитень, клокочущій бѣлымъ ключемъ; какъ ни говори, а отецъ Игнатій нашъ, человѣкъ благочестивой и святой жизни. Я, право, не могу такъ забыть себя, думая, что я уже

не существую на земли, но на небесахъ, гдѣ лики небесные восхваляютъ горнія пѣснопѣнія, когда нашъ отецъ Игнатій отправляетъ Божественную службу.

— Правда твоя, батюшка: нечего сказать — умѣетъ влить въ душу не только христіанина кающагося, но и самого закоренѣлаго грѣшника—умиленіе и сознаніе... говорилъ набожно Павелъ, другой сынъ его.

— Да гдѣ же Маша? какъ будто опомнившись, спросилъ старикъ; я не видалъ ее въ церкви. Она, бывало, становилась всегда съ сосѣдкой Ѳеклой Савищной?

— Да, Марія была въ церкви, коварно улыбаясь, сказалъ Павелъ: только не съ Савищной, а съ Груней, ея дочерью. Я видѣлъ, батюшка, какъ она усердно молилась... да только часто поглядывала на Ивана, а Иванъ на нее...

— Охъ ужъ этотъ мнѣ Иванъ, Иванъ! надоѣлъ хуже горькой рѣдьки, сердито проворчалъ старикъ. Ужъ какъ онъ ни [illegible], и ни гадай, а не быть тому, чтобъ Маша была его женой. Я не люблю разгульныхъ парней: онѣ губятъ [illegible]...

— Э, батюшка, да развѣ ты и самъ молоды не были, и развѣ молодость не удала? Такъ и должно судить по себѣ, а [illegible]

состарѣемся, то и на умъ не пойдетъ благое, говорилъ, улыбаясь, Павелъ.

— Оно такъ, Павлуша, сказалъ старикъ Сусанинъ; да вѣдь и въ молодости то не всѣ равны бываютъ. Вотъ какъ я былъ молодцомъ и когда присватался за мою покойницу Филимоновну, а вашу мать—пошли ей Господи царствіе небесное и мѣсто покойное! вздохнувъ и перекрестясь, говорилъ старикъ; —то былъ до нея и при ней, что твоя красна дѣвушка, а не только, чтобъ могъ и подумать...

Дверь горницы отворилась; вошелъ гудочникъ боярина Романова, Ѳаддей, одѣтый по праздничному—въ красной кумачной рубашкѣ, воротъ коей оторочевъ былъ широкимъ золотымъ галуномъ; по поясъ онъ былъ подвязанъ шелковымъ кушакомъ разноцвѣтной ткани; въ голубыхъ плисовыхъ шароварахъ: на ногахъ у него были высокіе зеленые сапоги до колѣнъ, шитые золотомъ, сзади за поясомъ висѣлъ у него на шелковомъ шнурѣ гудокъ, а въ правой рукѣ синяя бархатная шапка обложенная соболиной опушкою.

Ѳаддей снялъ шапку, набожно помолился святымъ иконамъ, которыми украшался весь передній уголъ, и низко поклонился сидѣвшимъ.

— Благочестивому дѣдушкѣ, Ивану Сидоровичу, со всею его добротою челядью, кланяюсь азъ, окаянный и поздравляю со святымъ праздникомъ (*).

— Спасибо, спасибо, голубчикъ! улыбаясь и поглаживая бороду, говоритъ Сусаликъ. Ну-ка, любезный Ѳаддеюшка, садись-ка съ нами, попить горячаго сбитеня; право хорошъ, не хуже боярскаго.

— И вправду? ну такъ дай потрудиться, улыбаясь сказалъ Ѳаддей.

Ему налили стопку, другую; онъ выпилъ и поморщился.

— Нѣтъ, Сидоровичъ, правду матку сказать, мнѣ, Ѳаддейкѣ, чтобъ не солгать: сбитенекъ то хорошъ, куда какъ хорошъ, а право, горѣлка будетъ получше его.

— Ахти мнѣ, я и не догадался, что тебя попотчивать сперва сказалъ старикъ. Эй-ка, Анюта, поднеси Ѳаддеюшкѣ стопку горѣлки, прибавилъ онъ, оборотясь къ сидящей возлѣ него невѣсткѣ. Да смотри же, Ѳаддеюшка, чуръ, не даромъ: или прибаутку сказать, или пѣсенку спѣть,—не такъ ли?

(*) Это былъ день Казанской Божіей Матери, Октября 22-го дня.

Замѣч. автора.

— О, конечно, изволь, другъ! примигивая, говорилъ гудочникъ Ѳаддей.

Вошла въ горницу Анна, неся большую стопку съ зеленымъ виномъ.

— Выпей-ка, добрый Ѳаддеюшка, да спой намъ что нибудь. Вѣдь право, ты большой мастеръ! проговорила Анна, поднося стопку.

— Изволь, моя голубушка только слушай; всѣхъ васъ распотѣшу! отвѣчалъ Ѳаддей.

Онъ взялъ стопку, перекрестился, поклонился на четыре стороны и осушилъ ее до дна.

— Вотъ такъ дѣтина! любитъ и жалуетъ насъ (*) сказалъ, улыбнувшись, старикъ Сусанинъ.

— Подлинно правда твоя. Иванъ Сидоровичъ: всѣхъ васъ люблю. Да гдѣ же моя ненаглядная пташечка, алый цвѣтъ? озираясь на всѣ стороны, говорилъ Ѳаддей.

— Да ктожъ это? спросилъ Павелъ.

— Да кто! твоя юная малютка, сиротка, племянница, отвѣчалъ Ѳаддей.

— А, да это Маша что ли?

(*) Встарину было обыкновеніе: кто пьетъ до капли, до дна, — это было знакомъ желанія добра, благополучія и любви.

Замѣч. автора.

— Да гдѣ тамъ Марья-то? что она дѣлаетъ? спросилъ сердито старикъ Сусанинъ у своей невѣстки. Что она нейдетъ сюда по сю пору.

— Тотчасъ придетъ батюшка. И Анна пошла за Марьей.

— А я пока подумаю пѣсенку, сказалъ гудочникъ.

Анна долго не замедлила и ввела съ собою Марію. Она была во цвѣтѣ лѣтъ розовой юности, на семнадцатой веснѣ своей жизни; и Анна любила душою свою золовку, милую Марію. Она походила на ангела невинности и красоты; поступь величественная, станъ стройный, бѣлизна лица ослѣпительная...

Марія, при входѣ въ горницу, увидѣла перваго—гудочника, и сердце ея сильно забилось, алыя розы разсыпались по нѣжнымъ щекамъ ея, и она была теперь во всемъ блескѣ прелестей дѣвственныхъ. Какое-то тайное чувство потрясло ея душу и все тѣло... Причину эту знала одна только Марія, а болѣе никто. Едва оправившись отъ такого критическаго смущенія, она подошла сперва почтительно къ дѣду, поцѣловала у него руку; потомъ къ отцу и дядѣ, и застѣнчиво поклонилась гудочнику, а онъ отвѣчалъ ей низкими поклонами.

Марія, сдѣлавъ всѣ привѣты, сѣла возлѣ второй матери—Анны. Да, она не видала свою родимую, и лишилась ее, еще бывши въ пеленкахъ...

Гудочникъ снялъ съ пояса инструментъ пріосанился, кашлянулъ и запѣлъ:

Ахъ, вы, люди, люди добрые!
Вы умѣете хлѣбосольничать,
У кого же есть хлѣбъ и соль,
То надъ тѣмъ и милость Божія, благодатная,
Благодатная и [illegible], великая.
Вотъ прислушайте-ка, люди добрые,
Пѣснь мою, пѣсню заунывную,
Ой да пѣсня эта, быль-то жалкая!
Жилъ былъ молодецъ, ясенъ соколъ,
Жилъ не зналъ онъ ни заботушки и ни кручинушки.
Онъ [illegible], порхалъ, какъ весенняя
Пташка пѣвчая, толь малиновка.
И всѣ дѣвушки, и всѣ красныя
Сбиралися, увивалися всѣ вокругъ его;
Отъ него же взгляда милаго, слова ласкова
Не слыхали. Только соколъ нашъ
Сталъ грустить, скучать, одинъ—
По голубушкѣ сизокрыленькой,
По цвѣточку, какъ небесному,
Розѣ майской, красѣ ангельской.
И голубушка сизокрылая [illegible] его,
[illegible] его и приголубила,
Дорогимъ [illegible] называла его,
Поклялись они, сговорилися

Вянетъ [illegible] однимъ [illegible] —
Гдѣбъ-то [illegible], — за [illegible]-ли,
Вы же спросите: причина что тому?
Та причина, что родители
Не хотятъ назвать зятя добренькимъ,
То зачѣмъ же двумъ сердечушкамъ
Изнывать въ сей безнадежности?
Умереть, не развернувшись, цвѣтикомъ?
Вотъ и пѣсня вся моя;
Похвалите, или похулите,
То и тѣмъ довольна буду я!»

— Пѣсня-то хороша, Ѳаддеюшка, [illegible] то горе, что молодца-то [illegible], что не [illegible] за него голубку-то сизокрылую. [illegible], говорилъ старикъ Сусанинъ, улыбаясь и поглаживая бороду.

— А по мнѣ такъ не [illegible], сказалъ Петръ, взглянувши коварно на гудочника. Туда ему и дорога! видно корень [illegible]!

— Нѣтъ, Петръ [illegible], отвѣчалъ вставая, гудочникъ Ѳаддей; а [illegible] въ томъ, что парень то хоть куда, да [illegible] ли что: счастье ему не улыбается, а вѣдь счастье дѣло великое во всемъ. Ты не повѣришь, Петръ Ивановичъ, какъ [illegible] прилучилось одной голубочкѣ сизокрылень-кой полюбиться, да кому же бы ты думалъ? Боярину, да боярину еще знатному; да, и что же бы ты подумалъ? Бояринъ раза три

ее видѣвши, такъ вцалился въ нее, что честнымъ пиркомъ да и за свадебку. Вотъ какъ дѣлаютъ и бояре, а уже нашей челяди и давнымъ давно простительно... Ой, да время мнѣ идти!—Простите!

Ѳаддей хотѣлъ было идти; но его удержали: поднесли чарку другую. Ѳаддей снова развеселился, сталъ каламбурить, пѣть, плясать; словомъ, онъ былъ душою сельскаго праздника. Всѣ его упросили и кланялись остаться у нихъ до вечера, когда начнутся праздничные игры и хороводы. Гудочникъ послушался исполнить общую просьбу.

Наступилъ вечеръ. Все село пришло въ движеніе. Отъ одного конца до другаго раздавались веселыя пѣсни, гудки и свирѣли: это былъ праздникъ села Ипатьева. Красныя дѣвушки составили разнообразные хороводы и подъ громкими пѣснями начали плясать и кружиться; а молодые крестьяне издали смотрѣли на невинную игру ихъ. Каждый изъ нихъ наслаждался взоромъ, можетъ быть отраднымъ его сердцу, который искалъ себѣ подругу въ этой безотчетной, беззаботной игрѣ невинности.

— Ба, Ѳаддеюшка, слава Богу, я на-

шелъ тебя! подходя къ толпѣ мужчинъ, говорилъ молодой крестьянинъ гудочнику, дернувъ его за кафтанъ.

— Ахъ, Иванъ Петровичъ, здравствуй! кивнувъ головой, отвѣчалъ гудочникъ; а я тебя, другъ, ищу уже давнымъ давно.

— Хорошо хорошо: да гдѣ она, гдѣ моя милая голубка, прекрасная Марія?

— Я и самъ смотрю давно, но не вижу какъ ее, такъ и Груню, ея подругу.

— Что за чудо? да она не у Груни-ли въ гостяхъ? Пойдемъ-ка, освѣдомимся. И Иванъ, взявъ въ руку гудочника, побѣжалъ съ нимъ къ дому Груни, подруги Марьиной.

Подходя къ дому, они увидѣли, что ворота были заперты замкомъ и окна закрыты.

— Что это значитъ? вскричалъ Иванъ, гдѣ-жь она?..

— О, теперь-то я догадываюсь, приставя палецъ ко лбу, сказалъ гудочникъ. Марія должна быть дома, и Груня съ матерью у ней: да надобно думать еще много кой кого толкнулось...

— Что такое? Говори, ради Бога, скорѣй! дрожащимъ голосомъ вскричалъ Иванъ.

— Не пугайся, вотъ видишь-ли, что я слышалъ, когда былъ давеча въ гостяхъ у Ивана Сидоровича: то проговорили, что будто припожалуетъ къ намъ на празднич-

ную вечеринку нашъ знатный бояринъ, Михаилъ Өедоровичъ Романовъ, со всею родимой;—то не думаю, чтобъ были гости званые, потому что нашему боярину, ты самъ знаешь, не до веселья, когда о его родителѣ-батюшкѣ и вѣсти нѣтъ!...

— Жалко молодаго боярина, Өеддеюшка: но Господь Богъ милостивъ, авось возвратитъ его родимаго. Давно я не видалъ этого боярскаго юношу; хочется и мнѣ посмотрѣть на него. Такъ пойдемъ туда. Но какъ-же, Өеддеюшка, я увижу мою милую Марію?

— Какъ! вѣдь я тебѣ далъ слово помочь—и помогу. Мнѣ же непремѣнно должно быть тамъ: мой дорогой бояринъ въ гостяхъ, и кто жь его долженъ распотѣшить, какъ не я? Да и грѣхъ бы мнѣ было, еслибъ я осмѣлился не сдѣлать этого: онъ мой благодѣтель, второй отецъ родимый.

Разговаривая такимъ образомъ, они подошли къ дому Сусанина. Изъ оконъ отражался яркій свѣтъ; у воротъ не было народъ—все было тихо: ни пѣсенъ, ни свирѣлей не было. Гудочникъ подвелъ Ивана къ крайнему окну отъ задняго угла и что-

то шепнулъ ему на ухо: а самъ летмя побѣжалъ къ воротамъ.

— Матушка ты моя родимая, государыня! какъ обрадовала, одарила счастіемъ меня, старика, своимъ посѣщеньицемъ съ ненаглядынымъ своимъ цвѣтикомъ, сынкомъ родимымъ, и со всею своей челядью на праздникъ нашъ! Право, государыня, милостива матушка, не забуду и умираючи! прослезясь, говорилъ старикъ Сусанинъ боярынѣ Романовой.

— Спасибо тебѣ, добрый старикъ Иванъ, что ты любишь насъ искренно: это я вижу изъ словъ твоихъ; для того то я и пріѣхала съ сынкомъ-надеждою, чтобъ развлечь на праздникѣ, хотя нѣсколько горькую тоску души моей (*).

Она заплакала и младой юноша, ангелъ собою, сидя подлѣ матери и увидя ея слезы, бросился къ ней и руками невинности,

---

(*) Отецъ Михаила Θеодоровича Романова былъ посланъ изъ Москвы въ Польшу къ Королю Сигизмунду, гдѣ былъ задержанъ въ крѣпости и заключенъ въ оковы. Впрочемъ, необходимо считаемъ долгомъ предупредить читателей, что сочинитель, по праву романиста, во многомъ отступалъ въ семъ романѣ отъ исторической истины.

обвивъ ея шею, лобызалъ свою родимую, умоляя ее забыть горе, хотя и лютое ихъ сердцу... и юноша, коего Провидѣніе хранило для славы и чести земли Русской, находясь подъ непосредственнымъ покровительствомъ промысла Вышняго, который осѣнилъ его Своею благодатію, и этотъ юноша утишилъ слезы и горе своей родимой о любезномъ ихъ родимомъ!

— Родимая! плача, говорилъ Михаилъ, не ты ли дала мнѣ честное и вѣрное слово, чтобъ не грустить и не плакать по родимомъ: но теперь ты не сдерживаешь этого слова. Богъ съ тобой! Зачѣмъ-же мы пріѣхали сюда къ этому доброму старику, котораго любилъ и нашъ родимый, какъ не для того, чтобъ забыть наше горе, наше несчастіе?

Слова сына-ангела подѣйствовали на мать: она успокоилась, а съ этимъ вмѣстѣ все пришло въ порядокъ. О, конечно, все зависитъ и все начинается и кончается отъ главнаго и главнымъ, а если скорбь возсѣдаетъ на первомъ мѣстѣ—эта кара роду человѣческому, то что можетъ быть пріятнымъ для сердца? Плачъ, стоны, рыданія— вотъ ея дщери, вотъ ея питомцы! Они гры-

зутъ сердце — сердце съ нѣжными чувствами. Но сердца холодныя, сердца жестокія, они далеко отъ этихъ чувствованій, какъ далеко небо отъ нашей планеты!...

Боярыня успокоилась отъ словъ сына: все по прежнему приняло веселый видъ и снова началось радостное пированье.

— Ба, ба! Ѳаддейка здѣсь! вскричалъ радостно Михаилъ Ѳедоровичъ. Родимая, оборотясь къ матери, прибавилъ онъ: и гудочникъ нашъ здѣсь.

Ѳаддей сталъ отвѣшивать низкіе поклоны.

— Гдѣ тебя не видно было, Ѳаддей? гдѣ ты шатался? томно проговорила Романова.

— Ой, матушка-государыня моя, гдѣ бы я ни шатался, а все во власти вашей, матушка; спѣть-ли, сыграть-ли — все зависитъ отъ твоего приказа и воли, низко кланяясь, говорилъ гудочникъ Ѳаддей.

— Да, я тебя знаю, Ѳаддейка, сказалъ Михаилъ Ѳедоровичъ, ты большой плутъ на прибаутки, изъ вора сухъ выйдешь. О. Ѳаддейка! воръ Ѳаддейка!

— Нѣтъ, батюшка родимый бояринъ,

что на душѣ, то и на сердцѣ. Право не лгу! И Ѳаддей сталъ наколѣни предъ бояриномъ и его матерью и поцѣловалъ ихъ руки.

Гудочника заставили пѣть и распоряжаться хороводами; а боярыня, оставивши сына своего съ бояриномъ *Болговымъ*, его наставникомъ, встала, дала знакъ Сусанину, чтобъ онъ отвелъ ее въ другую горницу. Старикъ не замедливъ исполнить приказаніе своей повелительницы, и тотчасъ, взявъ свѣчу, пошелъ впереди ея. Пройдя горницы двѣ и перейдя черезъ сѣни, онъ поднялся по лѣстницѣ и ввелъ Романову въ свѣтлицу; она была небольшая. Поставивъ свѣчу на столъ. Сусанинъ перекрестился и сталъ къ двери; но Романова подозвала его къ себѣ и сказала: чтобъ онъ сѣлъ возлѣ нея.

— Иванъ, такъ начала Романова, тебѣ извѣстна причина отбытія моего мужа въ Москву; тебѣ, можетъ быть, извѣстны и несчастія его; но скажи мнѣ: не знаешь-ли ты чего подробнѣе о моемъ мужѣ, о Москвѣ, о участи нашей, святой Россіи? О еслибъ я могла читать будущее и знать, что быть-ли доброму или худому!... Иванъ, тебя любилъ мой мужъ — и ты не скрой отъ меня, если знаешь все это...

Она замолчала. Сусанинъ потеръ лобъ и сказалъ: Родимая, родимая! знаю, что твой неизмѣнный другъ, а мой высокій бояринъ, любилъ меня и жаловалъ, и что знаю и вѣдаю, то скажу, что и я слышалъ тоже отъ добраго Москвича, который и теперь еще у меня: наша матушка Москва взята проклятыми Ляхами; въ ней голодъ да рѣзня. Нѣтъ счастія нашему отечеству православному!

— Господи Боже мой, что слышу я? всплеснувъ руками, проговорила Романова и залилась слезами. О, жестокій рокъ, о, кара Господня, ниспосланная на землю Русскую за наши грѣхи!..

— Да, боярыня-матушка, почти плача, говорилъ Сусанинъ; но это еще не все; есть еще сильнѣе, еще важнѣе ударъ сердцу православному: король польскій хочетъ посадить на наше Царство православное своего сына Владислава...

— Возможно-ли? Господи Іисусе Христе! не приведи всѣмъ намъ дожить до полной гибели, не приведи Господи видѣть страшный конецъ нашему Царству! говорила, плача, Романова. Впрочемъ я желала бы

знать объ этомъ подробнѣе и видѣть этого Москвитянина, который, какъ сказалъ ты, у тебя: можетъ быть я узнала-бы отъ него еще болѣе, и что нибудь о своемъ мужѣ....

— Я готовъ, государыня-матушка, исполнить твое желаніе, тотчасъ пойду, приведу его сюда.

Сусанинъ вышелъ, а Романова предалась размышленію о судьбѣ несчастнаго своего друга.

Увы, злополучная супруга! ты еще не знаешь, что почтенный твой другъ угнетенъ бѣдствіемъ и страждетъ вдали отъ тебя въ мрачной темницѣ, обремененный тяжкими оковами! Ты не знаешь, добродѣтельная изъ женъ, что твой другъ утоляетъ свой голодъ и жажду загнившимъ черствымъ хлѣбомъ и испорченною водою!..

Вошелъ Иванъ Сусанинъ въ свѣтлицу, а за нимъ блѣдный молодой человѣкъ. Остатокъ болѣзни еще ясно видѣлся на лицѣ его и въ глазахъ. Онъ низко поклонился Романовой и сказалъ: Ты милостивая государыня, изволила спрашивать меня про этого добраго моего благодѣтеля? я тебѣ нуженъ?

— И очень добрый молодецъ, отвѣчала Романова. Я слышала отъ старика, котораго ты величаешь своимъ благодѣтелемъ, что ты изъ Москвы?

— Такъ точно, милостивая боярыня, отвѣчалъ съ поклономъ Рискуновъ.

— Не можешь ли ты мнѣ повѣдать подробно все, что есть теперь въ Москвѣ и не слыхалъ ли ты чего о бояринѣ Романовѣ?

— Романовъ!.. изумившись, проговорилъ Рискуновъ и приложилъ палецъ къ губамъ своимъ.

— Чему же ты такъ удивился, когда я назвала тебѣ прозваніе боярина? Развѣ ты его знаешь? развѣ...

— Матушка, добрая матушка! вбѣгая въ свѣтлицу, говорилъ молодой бояринъ Михаилъ Ѳедоровичъ: уже давно заполночъ: время и намъ съ тобою, моя родимая, ѣхать домой...

Этимъ прервался почти начатый разговоръ боярыни Романовой съ Москвитяниномъ. Она сказала своему сыну, что разговаривала съ добрымъ старикомъ о важномъ дѣлѣ, а потому такъ и замѣшкалась.

Вставъ, она сошла изъ свѣтлицы внизъ, что-то тихо сказала Сусанину и поблагодаривъ его за радушный пріемъ, разсталась съ его семействомъ. Сѣвъ съ сыномъ и его наставникомъ, бояриномъ *Богговымъ*, въ зимнюю колымагу, поѣхала въ мѣсто своего уединенія и молитвы — монастырь Ипатьевскій.

Начинало вечерѣть — какъ какой то мужчина, очень хорошо закутанный въ армякъ, тихо прокрадывался съ задняго забора, гдѣ жилъ Сусанинъ, и отвернувъ щеколду у калитки, которая вела въ большой садъ, тихо отворилъ ее и перейдя черезъ порогъ, пошелъ въ садъ и также тихо притворилъ калитку. Здѣсь онъ сталъ озираться на всѣ стороны, остерегаясь, не замѣчаетъ ли его кто; не убѣдившись что все спокойно, пошелъ по тропинкѣ, которая вела въ правую сторону. Углубляясь все далѣе и далѣе, онъ подошелъ *къ цвѣтнику*; здѣсь онъ остановился, снова оглядѣлся кругомъ и таинственно свиснулъ. На этотъ свистъ выскочилъ изъ за задняго угла гудочникъ Ѳаддей.

— Ты ли это Иванъ? робко прошепталъ гудочникъ, подойдя къ нему и дернувъ за полу его армяка.

— Точно я, также тихо проговорилъ Иванъ. Что же, скоро ли? гдѣ она?

— Поведай немного, и она будетъ твоя. Взойдемъ сюда.

Они отворили тихо дверь цвѣтника и взойдя въ него, сѣли на лавку.

— Скажи, Бога ради, какъ приступить мнѣ къ дѣлу? Я весь дрожу и боюсь, чтобъ чего не случилось съ нами... Если узнаютъ, погибла моя головушка съ плечъ!.. говорилъ Иванъ.

— Не бойся глупенькій. О, да ты еще не обстрѣленная птичка, а этакая птица и куста боится! Постой же, я тебя поправлю. И съ этими словами Ѳаддей вынулъ изъ за пазухи фляжку съ зеленымъ виномъ.

— Ну ка дружище, выпей-ка изъ этой смѣлости хлѣбка четыре полныхъ, тогда не то заговоришь. И Иванъ взялъ изъ рукъ Ѳаддея фляжку и, осушивъ ее почти до половины, отдалъ обратно ему.

— Ну, теперь за мной чередъ, сказалъ

Ѳаддей и фляжка осушена. Слушай же, Иванъ, прибавилъ онъ: ты будь пока здѣсь, а я ястребомъ буду за дверьми сторожить невинную нашу голубку своорилую! Какъ кашляну три раза, то ты будь на готовѣ у дверей для встрѣчи. Смотри жъ, а теперь пока попризадумайся...

Ѳаддей, сказавъ это, вышелъ и затворилъ дверь, а Иванъ остался одинъ. Воображеніе у него заиграло отъ напитка Бахусова; нетерпѣніе кипѣло и клокотало въ немъ подобно растопившейся смолѣ; онъ ждалъ, онъ горѣлъ скорѣе узрѣть свою любезную, излить вполнѣ всѣ чувства воспламененной души своей и сказать ей: я твой на вѣки, а ты моя; и уже никакая земная власть не въ силахъ будетъ разлучить насъ!...

Чу... послышался кашель: Иванъ очнулся отъ сладостныхъ грезъ, вскочилъ и опрометью бросился къ двери. Дверь тотчасъ растворились настежь, и трепещущая, невинная Марія пала въ объятія молодаго юноши.

— Ради Бога, не губи меня, Ванюша! Я дала слово видѣться съ тобою и исполняю его.

— О, теперь я счастливѣйшій изъ смертниковъ! въ восторгѣ и сжимая ее въ объятіяхъ своихъ, говорилъ Иванъ. Чего моя родимая душа желала, къ чему стремился— и все теперь исполняется сверхъ моихъ ожиданій. О, неоцѣненная Марія, теперь моя душа слилась съ твоей душою; теперь я вѣрю; ты меня любишь моя Марія! и никто не разлучитъ насъ съ тобою.

— Никто, никто, мой милый, родимый Ванюша! Да я люблю тебя выше всего земнаго.

И Иванъ и Марія впервые напечатлѣли взаимные завѣтные поцѣлуи пламенной любви и вѣчной дружбы...

— Марія въ восторгѣ чувствъ проговорилъ Иванъ: я искалъ счастія и нашелъ его, я гнался за нимъ и это счастіе моя Марія! Да, она сама пришла ко мнѣ, чтобъ напиться изъ общей чаши любви и вмѣстѣ раздѣлить это общее наше счастіе, это блаженство неземное...

Разставаясь, Марія сняла съ правой руки золотое кольцо и отдала его Ивану, какъ залогъ вѣчной и неизмѣнной любви, а

Иванъ снялъ съ своей груди золотой крестъ, который получилъ онъ при святой купели, и надѣлъ на подругу жизни своей.

— Это кольцо души дѣвицы всегда будетъ ясно, какъ ясно солнце на синемъ небѣ до тѣхъ поръ, пока будетъ у тебя Марія; а потускнѣетъ, когда ее у тебя не будетъ, говорила Марія, отдавая Ивану свое кольцо.

— А этотъ святой крестъ никогда не лишится своего блеска, пока будетъ житъ твой вѣрный Иванъ, и когда ты мнѣ не измѣнишь...

И они оба поцѣловали съ благоговѣніемъ священные залоги и. перекрестясь, каждый изъ нихъ надѣлъ свой завѣтъ.

— Вотъ такъ по нашему! сказалъ Θаддей и перекрестился, прибавивъ: слава Богу, я радъ отъ души, что могъ соединить васъ, мои родимые.

— И Марія, и Иванъ, плача, обнимая Θаддея, благодарили его за участіе въ ихъ судьбѣ. Иванъ сунулъ ему въ руку нѣсколько серебряныхъ монетъ.

Они расстались — и Марія, какъ серна, преслѣдуемая охотниками, пустилась бѣжать подъ покровъ родительскій, теряя надежды на свое счастье, на свое благоденство: а Иванъ съ гудочникомъ пошли въ обратный путь и, достигнувъ благополучно калитки, вышли на свободу, будучи внѣ всякой опасности.

Осеннее солнце, едва только выкатилось изъ-за горизонта, какъ Сусанинъ мчался на лихой тройкѣ съ молодымъ купцомъ Рискуновымъ къ монастырю Ипатьевскому. Прошло немного времени, и они уже были у воротъ святой и уединенной обители. Подъѣхавъ къ воротамъ, они остановились. Сусанинъ постучался въ ворота и на стукъ его послышался голосъ привратника, загремѣлъ запоръ и отворилась калитка святыхъ воротъ. Черная голова, съ всклоченными волосами и сухопарымъ лицомъ, выглянула изъ калитки; это былъ привратникъ Матвѣй.

— А, Иванъ Сидоровичъ! что такъ раненько подъѣхалъ къ намъ? Еще не отошли заутреня, кланяясь, говорилъ привратникъ.

— Да есть дѣльце дружище, до боярыни Романовой.

— Ну, это дѣло твое: да, кажись, она еще не оставила своего ночнаго ложа. Да впрочемъ, Иванъ Сидоровичъ, освѣдомись самъ.

И привратникъ отворилъ настежь калитку. Сусанинъ, войдя въ обитель, снялъ шапку, три раза перекрестился и сдѣлалъ въ поясъ поклонъ привратнику Матвѣю. Его примѣру послѣдовалъ и купецъ Рискуновъ. Лошадей привязали къ монастырской оградѣ, за которыми вызвался сторожить привратникъ.

Пройдя длинную аллею, они поворотили вправо и вошли на завѣтное крыльцо терема бояриня Романова. Сусанинъ здѣсь тихо постучался; вышелъ боярскій слуга и ввелъ его съ товарищемъ въ пріемную горницу, гдѣ служитель попросилъ ихъ попріотдохнуть немного, а самъ пошелъ извѣстить о ихъ пріѣздѣ. Они не долго дожидались. Молодой бояринъ, Михаилъ Федоровичъ, вышелъ къ нимъ и сказалъ, что матушка его имѣетъ нужду въ молодомъ Москвитянинѣ и хочетъ съ нимъ говорить; а старика Сусанина проситъ подождать въ этой горницѣ, куда она не замедлитъ придти послѣ.

Рискуновъ почтительно поклонился молодому боярину и пошелъ за нимъ. Пройдя нѣсколько горницъ, они вошли въ отдохновенную боярыни Романовой.

Эта горница была мрачна, и по ней разливался какой-то таинственный свѣтъ изъ узкихъ косящетыхъ оконъ и лампадъ, теплющихся предъ святыми иконами. Рискуновъ остановился у дверей горницы и въ безмолвіи ожидалъ Романову.

Она не замѣшкалась выходомъ. Онъ низко поклонился; боярыня сѣла въ кресла противъ него, а сынъ ея сталъ подлѣ нея.

— Повѣдай-же мнѣ теперь, молодой Москвичъ, участь нашего древняго града: скажи мнѣ подробно, что извѣстно тебѣ о судьбѣ нашего православнаго царства, и чему ты смутился, когда я вчера спрашивала тебя о бояринѣ Романовѣ, моемъ мужѣ? спросила купца Рискунова Романова.

— Не слишкомъ-то радостныя вѣсти, матушка-государыня, повѣдаю тебѣ съ нашей Москвы бѣлокаменной; но когда ты хочешь знать всю злосчастную судьбу ея, то слушай и крѣпись духомъ, не молви ни единаго слова.

— Аминь! сказала, перекрестясь, Рома-

нова. Богъ да укрѣпитъ меня и благословитъ твое начало!

— Вѣдомо тебѣ, государыня-матушка, такъ началъ Рискуновъ, какой конецъ получилъ этотъ проклятый еретикъ, самозванецъ *Гришка Отрепьевъ*, но не вѣдомо для тебя, что и теперь заполонили всю нашу матушку Москву эти проклятые Ляхи.

— Боже милосердый!.. что я слышу?.. вскричала Романова и, залившись слезами, впала въ безпамятство.

— Жестокій! зачѣмъ ты отравилъ для моей родимой этой горестною вѣстію? О лучше-бы ты не былъ здѣсь! Она-бы не знала этого! рыдая и обнявъ мать свою, говорилъ Михаилъ Романовъ.

— Государь!.. да позволено мнѣ будетъ называть тебя этимъ священнымъ именемъ?.. твоя нѣжная и добрая родимая велѣла мнѣ повѣдать подробно святую истину, и я далъ слово честное, русское, исполнить ея желаніе, говорилъ, оробѣвши, купецъ Рискуновъ.

— Ты могъ-бы говорить все, но не производить этого роковаго удара сердцу моей родимой!..

— Я боялся Бога, отступить отъ моего

сѣнія и не смѣлъ не сказать всего, что зналъ и знаю завѣдомо...

Между тѣмъ Романова, при стараніи сына, опомнилась. Она быстро оглянулась кругомъ, и взоръ ея нашелъ того, кого искала; она приказала продолжать этотъ горькій разсказъ.

— Прости меня, государыня-матушка, моей нескромности! Я бы не произнесъ этой роковой вѣсти: она-бъ умерла у меня на сердцѣ, но я далъ тебѣ честное русское слово повѣдать все и побоялся не исполнить его. Я сказалъ тебѣ, моя государыня, о горькой участи твоего мужа.

— О! я лучше-бъ объ этомъ не знала, лучше-бъ питала себя безвѣстностію мрачной будущности, лучше-бъ могла думать то и другое; но теперь я слышу, къ несчастію моему, его такую жестокую участь, и это будетъ для души и сердца моего окончательнымъ страданіемъ и мученіемъ...

— Не предавайся печали, добрая государыня-матушка! Утѣшь себя тѣмъ, что *Господь Богъ любитъ правду и поборника по правдѣ.*

— Да, это *Онъ* сказалъ и мы должны крѣпко уповать на эти спасительныя слова *Его!* отвѣчалъ набожно купецъ [illegible].

— Повѣдай же дальше, сказалъ Михаилъ Романовъ.

— Послѣ этого несчастнаго событія наши граждане пріуныли, надежда на спасеніе отечества погасла, и отчаяніе оковало сердца наши. Буйство и грабежъ отъ злодѣевъ Ляховъ усиливались ежедневно; голодъ и нищета сроднились съ нашими врагами, и они, какъ львы, пожирали послѣдніе остатки нашего добраго, нашего роднаго...

Здѣсь Москвитянинъ отеръ слезы, слезы горячія, родныя—русскія.

— Но, продолжалъ онъ опять, сердце русское не потерпѣло болѣе злости варварской—взбушевало, и изъ странъ далекихъ но изъ странъ родныхъ, прилетѣли орлы русскіе на дичь иноземную. Нашъ добрый князь батюшка Пожарскій и добрый православный гражданинъ нижегородскій Козьма Мининъ, по прозванью Сухорукій, совѣщаются, собираютъ воинство несмѣтное и идутъ спасать нашу матушку Москву отъ силы вражеской. Не знаю, что теперь дѣлается тамъ—въ это время я выѣхалъ изъ нея; но думать надобно, что Господь поможетъ нашему воинству... Сгибнутъ враги

невѣрные, губившіе Русь Православную! Теперь я скажу важнѣе: прислушай, юный государь,—это важная тайна для тебя; я твой подданный и въ осторожность говорить хочу тебѣ: бойся ты этихъ варваровъ, и эта священная обитель можетъ быть тебѣ гробомъ, ты въ опасности...

— Что ты говоришь? оробѣвши, проговорилъ бояринъ Михаилъ Романовъ.

— Да, Государь, я говорю истинную правду, отвѣчалъ Рискуновъ. Враги узнавъ снова, что ты теперь законный наслѣдникъ къ Царству Русскому, имѣютъ тайное повелѣніе найдти твое жилище и тайно умертвить тебя...

— Умертвить меня!.. содрогнувшись, прошепталъ царственный юноша, бояринъ Романовъ.

— Да, тихо отвѣчалъ Рискуновъ.

— Одно къ одному, Боже милосердый! всплеснувъ руками, сказала Романова. О, кара Господня на домъ нашъ!

Этимъ кончился разговоръ. Рискуновъ далъ клятву не говорить объ этой тайнѣ никому и вышелъ изъ опочивальни Романовой.

Выйдя вмѣстѣ съ старикомъ Сусанинымъ

изъ пріемной горницы, въ которой онъ его дожидался, они сѣли въ сани при благовѣстѣ раннихъ обѣденъ въ обители Ипатьевской, и нетерпѣливые кони помчали ихъ въ село Ипатьево.

— Скоро-ли, Анюта? тихо проговорилъ старикъ Сусанинъ своей невѣсткѣ; вѣдь ужъ разсвѣло порядкомъ, а ты, моя, голубка, еще не совсѣмъ собралась.

— Тотчасъ, батюшка, торопливо сказала Анна; только что накинуть шубейку — и я готова...

— Пожалуйста поскорѣе поторопись: вѣдь мы опоздаемъ, а ѣхать не близко; ты знаешь, моя родимая...

— Вѣстимо не близко, да вотъ я и готова. Ну ѣдемъ же, батюшка.

Старикъ съ невѣсткой сѣли въ сани, запряженныя парою вороныхъ лошадей; онъ хлопнулъ по нимъ бичемъ, и они полетѣли въ правую сторону отъ большой дороги.

Долго, долго ѣхали они по снѣговой зыби; но вотъ завидѣлось имъ опушка лѣса, — повернули влѣво и въѣхали въ лѣсъ угрюмый и дикій. Осенняя аврора едва только начинала расписывать своимъ пурпуромъ небосклонъ и роскошными розы-

ми коврами устилать лучезарному первенцу—любимцу природы... Борзые кони ржали и храпѣли, а старикъ углублялся по пробитой дорогѣ въ глуши лѣсной все дальше и дальше; но вотъ, повернули вправо — узкая шла дорога, и еще нѣсколько саженъ, и они подъѣхали къ ветхой хижинѣ, почти полуразвалившейся. Сусанинъ привязалъ лошадей къ пню древесному, а самъ, подойдя къ дверямъ, тихо постучался. На стукъ его послышался хриповатый голосъ, и тотчасъ отворилась дверь. Рыжая всклокоченная борода съ красной рожей высунулась въ полуотворенную дверь.

— А, Сидорычъ! тебя-ли я вижу? Какими судьбами? Иль есть дѣльце до меня?.. проговорила рыжая борода.

— Затѣмъ-то и пріѣхалъ къ тебѣ, Алешенька, родимый ты мой, что дѣльце есть до тебя, кланяясь, сказалъ Сусанинъ.

— А что, родимый, не сговорилъ-ли пташку сизокрылую? съ дьявольской улыбкою прошепталъ Алешка Волкъ; а онъ-то и колдунъ, и всеобщій сватъ.

— Да не то, родимый, не сговорилъ, а наша-то красавица красная дѣвица, стала грустенька, да сохнетъ не по днямъ, а по

часамъ, — то пожалуйста, Алешенька, повѣдай намъ матку-правду: что стало съ нашей дѣвицею? не взлиховались-ли на нее черные люди? не обручилась-ли она отъ нихъ? иль недугъ-ли какой томитъ ее, голубку... то какъ пособить? ты вѣдаешь, этому знахарь; скажи, Алешенька, и моя благодарность тебѣ...

Сусанинъ сунулъ при этихъ словахъ ему въ руку *рубликъ*.

— Спасибо, Сидорычъ, садись-ка. Прошу не прогнѣваться, подчивать нечѣмъ...

— И полно, Алешенька, не за подчиваньемъ къ тебѣ пріѣхали мы, а за разумнымъ твоимъ отвѣтомъ, сказалъ старикъ Сусанинъ.

— Погодите-же, други: я принесу снадобьеца, по которому повѣдаю вамъ все въ подробности. Сказавъ эти слова, Алешка Волкъ вышелъ изъ избы, оставивъ въ надеждѣ и страхѣ старика и его невѣстку. Колдунъ не долго мѣшкалъ: внесъ съ собой зеркало, небольшую коробочку и ведро воды.

— Теперь къ дѣлу, сказалъ колдунъ. Ну, Сидорычъ, и ты, голубушка, сидите, не бойтесь, я васъ очерчу. Колдунъ провелъ углемъ два круга, сказавъ, чтобъ каж-

дый стоялъ въ своемъ кругѣ. Приказаніе его было исполнено.

Поставя посреди избы ведро съ водою, онъ что-то тихо пропешталъ и всыпалъ въ воду какой-то черный порошокъ. Вдругъ раздался необыкновенный выстрѣлъ, и синее пламя, выскочивъ изъ ведра, объяло всю горницу. Колдунъ упалъ навзничь и лежалъ на землѣ до тѣхъ поръ, пока пламя не приняло бѣлый цвѣтъ. Въ это время онъ всталъ и, тихо подойдя къ ведру, что-то сказалъ шепотомъ,—и громовый голосъ изъ ведра проговорилъ: «эта дѣвица не больна; она любитъ молодаго парня, а онъ ее, и отъ суевѣрія и предразсудковъ стариковъ гибнетъ подъ тяжкой печалью, отъ безнадежной любви, которую она старается всячески скрывать... гу!.. гу!.. гу!..

Раздался плачевный стонъ, засвистѣлъ вѣтеръ, загремѣли громы. Колдунъ упалъ ничь. Сусанинъ и его невѣстка въ страхѣ попадали также и уже черезъ нѣсколько минутъ они пришли въ себя; колдунъ же спокойно расхаживался по избѣ. Очарованіе кончилось.

— Ну, Алешенька, а я думалъ, что умру отъ страха. Нѣтъ, видно мнѣ не проспать этого грѣха. Охъ, тяжкій грѣхъ, вздыхая, говорилъ старикъ Сусанинъ.

— Что ты Сидорычъ, да вѣдь ты хотѣлъ узнать, что дѣлается съ твоей пташечкой, такъ вотъ теперь и узналъ. Видишь ли, что повѣдалось вамъ... слышалъ ли? Ну, вѣрь что это правда неминучая...

— Охъ, тошнехонько! проговорилъ старикъ, почесывая затылокъ. Неужто это правда Аннушка? оборотившись къ своей невѣсткѣ, прибавилъ онъ.

— Меня что-то раздумье беретъ, батюшка, вздохнувъ, сказала Анна. Право, что-то мудрено; да и въ кого же ей влюбиться, развѣ не въ Ивана ли?

— Да и я это же держу на умѣ. Право чуть не такъ-ли, Аннушка? Извелась наша голубушка! вздохнувъ, сказалъ старикъ.

— Такъ что же, Сидорычъ, развѣ не впопадъ добрый-то молодецъ - а? или нельзя горю этому пособить другимъ маперомъ? Найдемъ средство, если только тебѣ похочется...

— Батюшка, Алешенька, будь другъ, помоги горю ретивому, воскреси голубушку нашу, ненаглядную ягодку, отведи, отврати отъ лихаго зелья, кланяяся и сунувъ въ руку колдуна еще *рублика*, говорилъ, умоляя, Сусанинъ.

— Спасибо, спасибо, Сидорычъ! А ска-

жи мнѣ, какой волосомъ молодецъ? пріосанясь возразилъ колдунъ.

— Лицемъ моимъ красна дѣвка: бѣлый, румяный; а волосомъ прости Господи, какъ чортъ — смола черная, отвѣчалъ Сусанинъ.

— Гмъ, черный волосъ, о, о гаршудъ гра—гра гаршудъ — гра — гра!.. проговорилъ колдунъ и, взявъ зеркало, взглянулъ въ него.

— Вотъ вашей красавицы зазнобушка, Узнаете ли? Колдунъ поднесъ зеркало прямо къ глазамъ Сусанина и его невѣстки. Они вскрикнули и сказали въ одинъ голосъ: «это Иванъ, точно это онъ?»

— Такъ погодите жъ проворчалъ колдунъ, я теперь дамъ снадобьеца: а ты голубушка моя, положи-ка ей, только чтобъ она объ этомъ не знала, вотъ этой сѣрой мучки въ стопку горячаго сбитня и, размѣшавъ хорошенько, дай ей выпить; а этотъ корешечекъ клади ей подъ изголовье каждую ночь въ продолженіи семи сутокъ, и бредни ея кончатся... она все забудетъ и станетъ по прежнему весела и покойна...

— О, пошли Господи тебѣ долгія лѣта, родимый Алешенька! во вѣкъ не забуду твоей милости, кланяясь, говорилъ Сусанинъ.

— Спасибо Сидорычъ; за добро не стыдно и не совѣстно вспомнить добромъ... лукаво улыбаясь и поглаживая бороду, сказалъ колдунъ. Старикъ съ невѣсткой еще разъ поблагодарили отъ души колдуна, прося его, буде случится быть ему въ ихъ селѣ, то не оставить въ забытьи и его семью, а завернуть хотя на денекъ. Выйдя изъ избы *заклятаго*, старикъ отвязалъ лошадей и, сѣвши въ сани, отправились въ обратный путь.

Солнце уже высоко неслось по синему небу, какъ старикъ съ невѣсткой подъѣхали къ воротамъ своего дома.

— Куда это васъ Богъ носилъ спозаранокъ, батюшка? отпирая ворота, говорилъ сынъ его Петръ; или по обѣщаньицу ѣздили на богомолье?..

— Да кажись такъ, мой родимый; давно лежало на душѣ... Ну что, все ли по добру по здорову, спросилъ старикъ у сына.

— Все, слава Богу, только Марьѣ что-то не по себѣ, бѣдняжкѣ: кажись, чуть ли не огнявка пристать хочетъ... такъ и пышетъ отъ нея; лежитъ какъ красная ягодка толь малинушка...

— Неужто? Ахти горе! проговорила Анна. Вотъ, батюшка, всему ты виноватъ; Богъ

тебѣ судья: гибнетъ и вянетъ дѣвка, не разцвѣтя...

Старикъ проворчалъ что то про себя. Они вошли въ горницу. Марья лежала разметавшись на постелѣ; сильный жаръ пожиралъ ее: она стонала и охала.

Павелъ и молодой Москвитянинъ, сложа руки на груди, стояли у ея изголовья, каждый изъ нихъ прислуживалъ ей. Въ это время прибыла Анна съ старикомъ Сусанинымъ, и при взглядѣ на ненаглядную, ею возлелѣянную, почти вторую дочь, она содрогнулась, и слезы заблистали на глазахъ.

— Милая, родимая моя Машечка! что съ тобою радостное солнышко мое? Такъ сказала Анна, подойдя къ кровати ея и взявъ за руку.

Марія открыла глаза, и тяжкій протяжный вздохъ вырвался изъ стѣсненной, пламенной груди ея.

— Родимая моя, мнѣ что-то очень не по себѣ... я умираю, проговорила томно Марья, и крупныя слезы покатились изъ глазъ ея. Теперь-то старикъ Сусанинъ и Анна поняли тайну ея сердца — ея болѣзнь, которую скрывала отъ прочихъ. Начались хлопоты о болѣзни Маріи: травы, прохладительныя и цѣлебныя питія, все

зомъ, всѣ суетились, бѣгали и приготовляли лѣкарства.

Такъ прошло нѣсколько дней, и каждый на перерывъ старался помочь отъ недуга; каждый заботился о здоровьи ихъ ненаглядной красавицы... Одинъ лишь молодой Москвичъ очень часто уклонялся отъ этой заботливости и повидимому не принималъ участія въ семейномъ горѣ. Только не тотъ уже веселый и развязный Москвичъ. — Нѣтъ и тѣни признака прежняго: это былъ человѣкъ, какъ будто пораженный ударомъ гибели. Уныніе и какая то тайная грусть и печаль грызли его сердце, и какія-то тяжкія думы оковали его и сроднили съ немилучимъ горемъ. Вотъ каковъ сталъ теперь молодой Москвитянинъ. Да, онъ полюбилъ больше уединеніе, разсѣяніе; болѣе молчалъ, нежели говорилъ; больше вздыхалъ, нежели улыбался, словомъ, онъ не походилъ самъ на себя.

Въ одинъ изъ этихъ болѣзненныхъ дней Маріи, купецъ Рискуновъ, при едва начавшемся выказываніи свѣта утренняго, всталъ съ своего ложа, поспѣшно одѣлся и вышелъ изъ дома Сусанина, его благодѣтеля. Выйдя за калитку, перекрестившись, поклонился на все четыре стороны. Пройдя

село, онъ поворотилъ въ лѣво и, удвоивъ шаги пошелъ по прямой пробитой на таящемъ снѣгу тропинкѣ, все дальше и дальше. Въ тридцати шагахъ отъ него завиднѣлся уютный домикъ, окруженный кругомъ частымъ полисадникомъ. Съ правой стороны небольшихъ воротъ была сдѣлана узкая кадушка: сзади малый огородъ, куда смотрѣли три узкихъ окна. Сюда-то шелъ купецъ Рискуновъ.

Подойдя къ калиткѣ, онъ постучался въ щеколду; лай собаки раздался на дворѣ, вскорѣ отодвинулась задвижка и калитка отворилась. Сѣдая голова знакъ глубокой старости, показалась изъ нея. Рискуновъ снялъ шапку и поклонился, а почтенный житель этого дома, взявъ за руку Рискунова, какъ давно знакомаго гостя, ввелъ въ калитку, снова задвинувъ ее заперкой.

— Здравствуй, здравствуй добрый молодецъ! съ добрымъ утромъ! Такъ говорилъ старецъ, вводя Рискунова въ горницу. А я только что кончилъ мою утреннюю молитву, какъ постучался ты...

— Прости меня, почтенный отецъ мой! отвѣчалъ Рискуновъ: я пришелъ разсы-

кать съ тобой опять все одно и тоже горе и поговорить съ тобою...

— Ну, что твоя голубка, все еще не поправляется, спросилъ съ участіемъ старецъ.

— О, нѣтъ, почтенный отецъ мой болѣетъ и только изныло мое ретивое, видно уберется мой ангелъ въ страну безсмертную—и умретъ не раздвѣтя, и погаснетъ не отживя... О, почтенный отецъ мой! если возможно только смертному испытывать судьбы и предначертанія Существа высочайшаго, если возможно постигать эти пути, по коимъ слѣдитъ родъ человѣческій, то покоясь и уповая въ небесныхъ радостяхъ, то борется и мятется съ этими бичами рода человѣческаго: болѣзнями, скорбями и несчастіями безъ различія пола и возраста безъ отмѣтки званій и состояній. Это одно единственное звено, исшедшее изъ рукъ Всемогущаго это кажется Его любимое созданіе... И что же послѣ этого, отецъ мой мы встрѣчаемъ въ здѣшнемъ юдольномъ мірѣ?

— Ты вѣришь ли въ будущее, сынъ мой?

— О, вѣрую несомнѣнно и свято чту эту высокую истину! отвѣчалъ набожно Рисунцовъ.

— Если такъ, то знай, что Творецъ Всемогущій, когда и являетъ знаки Своего дивнаго дѣйствія въ тваряхъ, которыя-бы, по нашему мнѣнію, и нужны были-бы обществу, хотя-бъ и могли составить красу его; но иногда лишаетъ насъ этихъ утѣхъ — а для чего? Иногда по неисповѣдимымъ судьбамъ Своимъ налагаетъ на насъ испытаніе, подобно Аврааму при жертвоприношеніи его сына: иногда лишаетъ насъ этого небеснаго наслажденія за наши недостоинства и грѣхи предъ Нимъ; иногда отзываетъ въ сонмъ Своимъ праведниковъ, цѣня добродѣтельную и невинную жизнь, которая для него ярче сіяніе солнца и краше звѣздъ.

— Но за что-же, отецъ мой, посылаетъ страданія, скорби и болѣзни Господь существамъ невиннымъ — существамъ Ангельскимъ?

— За что? за любовь Его къ намъ: кого любитъ Онъ, того наказуетъ; біетъ-же всякаго, елико хощетъ. Развѣ ты этого не знаешь, сынъ мой. По этому, мы должны дорожить драгоцѣнной Его любовію и съ терпѣніемъ, безъ малѣйшаго ропота переносить всѣ кары, кои Онъ посылаетъ на

насъ, а не унывать подъ игомъ ярма. Жизнь безотрадная, жизнь безотчетно-печальная тяжка и ужасна. Но какъ ужасно уныніе въ скорбяхъ! я не могу тебѣ представить ничего страшнѣе, сынъ мой. Это отрицаніе будущей жизни, гдѣ всякая тварь получитъ настоящее свое значеніе, займетъ свое собственное мѣсто, гдѣ Судія безвозмездный воздастъ каждому по дѣламъ его. И это отрицаніе промысла Божія влечетъ за собою смертный грѣхъ, неразрѣшимый ни въ здѣшней, ни въ будущей жизни.

— Увы, почтенный отецъ мой! это истина святая, и страшны слова твои; но лишиться любезнаго существа, существа, подобнаго Ангелу, невидимаго и кроткаго— о, эта потеря тяжка для моего сердца!... И кто замѣнитъ мнѣ ее?... прослезясь и тяжко вздохнувъ, говорилъ Рискуновъ.

— Кто замѣнитъ! Безумецъ, что дерзнулъ ты сказать? Богъ и природа, природа и Богъ. Молись Ему, проси Его и крѣпко уповай на Него и Онъ воздвигнетъ съ одра болящую и за добродѣтельную жизнь твою наградитъ тебя этой радостію неземною.

Старецъ, говоря эти слова, былъ будто вдохновененъ свыше. Молодой Москвитя-

никъ палъ на колѣни предъ Божественнымъ Распятіемъ стоявшимъ въ переднемъ углу горницы, и рыдалъ какъ младенецъ, какъ дитя о потерѣ своей питательницы-матери. Онъ молился усердно Жизнодавцу; сердце его далеко было отъ земнаго, и на дрожащихъ устахъ горѣла пламенная молитва. О, онъ молился!

Въ продолженіе такихъ религіозныхъ разговоровъ приблизился полдень. Старецъ еще разъ далъ наставленіе молодому Москвитянину, пожелалъ ему счастливаго пути, и разстался съ нимъ. Рискуновъ же направилъ путь прямо къ селу Ипатьеву.

— Все погибло!... Будь ты проклятъ окаянный разбойникъ!... кричалъ молодой крестьянинъ, когда вошелъ въ горницу другой крестьянинъ, въ синемъ армякѣ.

— Помилуй, другъ, что ты это говоришь? крестясь, говорилъ крестьянинъ въ синемъ армякѣ. Или ты ума рехнулся что-ли?

— Бѣсъ полуденный! такъ-то ты морочишь людей? А, теперь-то я понимаю, что ты за птица! Ты хотѣлъ меня втянуть въ

петлю; но нѣтъ, не удастся-же тебѣ, оборотень; скорѣе себѣ приготовь ее...

Это были — Иванъ, любезный Маріи, и названный другъ его, гудочникъ Ѳаддей. Едва Иванъ прослышалъ о болѣзни своей милой, какъ опрометью бросился бѣжать къ Грунѣ, ея подругѣ, — узнать о причинѣ и ходѣ болѣзни; но непредвидѣнныя обстоятельства разрушили навсегда его обвороржительныя мечты и любовь, и надежды, и счастіе, и радость, громъ разразился надъ нимъ, и тайна, которая хранилась, въ двухъ сердцахъ, и еще третій зналъ гудочникъ, раскрылась предъ нимъ, и участь его однимъ разомъ была рѣшена.

Въ эту-то минуту вспыхнулъ вихрь страстей его и, подобно мощному урагану, потрясъ всею силою его душу, весь составъ молодаго юноши: онъ сдѣлался безумнымъ.

О, други, кто видѣлъ изъ васъ свистъ и завываніе бури, или разсвирѣпѣвшее море, которое сизыми волнами хочетъ поглотить огромную скалу? кто видѣлъ жестокій и мощный ураганъ этотъ, который на огромное пространство мечетъ и раскидываетъ столѣтніе дубы и сосны, какъ дитя потѣшаясь своими игрушками?.. кто видѣлъ эту

свирѣпость природы?... Но бурю, ураганъ сердца—кто можетъ выразить словами или описать на бумагѣ, этотъ всеразрушающій, жестокій, клокочущій вулканъ?... и кто не испыталъ изъ насъ въ теченіе жизни разныхъ душевныхъ волненій и бурь?... Но буря сердечная, которая рождается отъ сердца и ему же наноситъ смертельный ударъ— это борьба жестокая, ужасная!... и рѣдко, рѣдко можетъ случиться, чтобъ сердце осталось побѣдителемъ этой бури; оно гибнетъ и тяготѣетъ подъ этимъ тяжкимъ ярмомъ. Въ такомъ то точно положеніи находился и бѣдный Иванъ, молодой крестьянинъ, влюбленный въ Марію, внучку Ивана Сусанина. Цѣлыя сутки плуталъ онъ по окрестнымъ лѣсамъ и горамъ села Ипатьевскаго, и на другой день, едва очнувшись отъ этого изступленія, онъ явился въ свой домъ. Его отсутствіе, мертвенная блѣдность лица, всклоченные волосы, изорванное платье, которое походило болѣе на рубище, изумило и привело въ страхъ его домашнихъ. Рѣзкія же и отрывистыя слова, дикій взоръ и какое-то страшное отчаяніе, отпечатлѣвшееся на челѣ его, еще болѣе привели въ содроганіе все семейство.

Въ это то время зашелъ мимоходомъ къ

Ивану въ домъ гудочникъ Θаддей; а слова, произнесенныя Иваномъ ужаснымъ голосомъ и съ пылающемъ взоромъ, изумили и даже привели въ страхъ гудочника. Однако онъ оправился отъ этого смущенія.

— Послушай меня, заклинаю Богомъ тебя—послушай меня, Иванъ Петровичъ, говорилъ гудочникъ: я догадываюсь, въ чемъ дѣло, твоя Марія больнехонька, а я окаянный, по сю пору не далъ знать тебѣ объ этомъ; но ей Богу...

— Провались ты пропадомъ, разбойникъ, коварный льстецъ; ты погубилъ меня и ее

— Я.... я?.... дрожащимъ голосомъ говорилъ Θаддей.

— Ты, адскій духъ, ты открылъ нашу тайну старику — и я и она погибли по... ги...бли... Иванъ вскочилъ, и, схватя Θаддея за воротъ, задрожалъ и въ безпамятствѣ повалился на полъ. Смертная блѣдность разлилась по лицу его, грудь сильно то подымалась, то глубоко упадала. Помощь домашнихъ не замедлила явиться съ средствами, и скоро Иванъ открылъ прекрасные глаза свои; а гудочникъ, проливая

слезы о своемъ другѣ, думалъ что безвинно можетъ быть сдѣлался его убійцею, его отравою. Эта мысль жестоко мучила и терзала его сердце и душу.

— Старикъ, жестокій старикъ... не проклинай Марію... я люблю ее... вѣчно, вѣчно... говорилъ въ изступленіи Иванъ.

— Дидятко мое милое, что съ тобою приключилося? плача, говорила, подойдя къ постелѣ Ивана, его тетка.

— Марія! гдѣ она? Она умерла!... да, умерла для меня; у меня отняли ее, вырвали злые люди—мнѣ не суждено радоваться съ нею... Старикъ, кто сказалъ тебѣ нашу тайну, скажи мнѣ, и я удавлю руками того... ихъ... Протяжный стонъ вырвался изъ колеблющейся груди юноши, и онъ снова впалъ въ безпамятство.

Но вотъ причина его болѣзни. Иванъ едва узналъ о болѣзни своей любезной Маріи — не утерпѣло ретивое, чтобъ не освѣдомиться объ ней отъ близкой подруги ея прекрасной дѣвушки Аграфены: онъ тотчасъ къ ней, и ретивое заныло у него, когда онъ узналъ, что Марія гибнетъ подъ бременемъ любви, и эта сладостная, эта живая и огненная любовь снѣдаетъ ея серд-

це; эта тайна двухъ любящихъ сердецъ сморила ее—и она впала въ жестокую болѣзнь. Молодой, чувствительный юноша лилъ слезы о гибели его возлюбленной: и онъ сталъ самъ не свой. Въ такомъ-то расположеніи духа онъ ушелъ изъ дома Груни и едва только прошелъ улицу и поворотилъ въ переулокъ, какъ ударъ по плечу заставилъ его оглянуться. Старикъ Сусанинъ стоялъ сзади его; злобный взглядъ показывалъ въ немъ человѣка недоброжелательнаго. При видѣ Сусанина, эта неожиданная встрѣча привела его въ себя, Иванъ задрожалъ.

— Здорово, добрый молодецъ, сказалъ старикъ Сусанинъ, злобно улыбаючись; какъ счастливо мы съ тобою столкнулись; а ты мнѣ нуженъ, пріятель. Скажи, пожалуйста, что ты надѣлалъ съ нашей дѣвкой? она умираетъ... Ты убійца ея!...

При словѣ — убійца, Иванъ вздрогнулъ, холодный потъ выступилъ у него на лбу.

— Ты обольститель нашей голубки, ненаглядной Маріи, продолжалъ Сусанинъ. Какъ дерзнулъ ты, какъ могъ, говори, гнусный червь, я сейчасъ растопчу тебя подъ ногами... внѣ себя говорилъ Сусанинъ.

— Иванъ Сидорычъ! я не убійца, а ты... Кто сказалъ тебѣ нашу тайну! спросилъ Иванъ.

— Чертъ, чертъ, я тебѣ говорю, и ты долженъ отступиться отъ Маріи, забыть ее, и тебѣ, какъ своихъ ушей, не видать ее; она умерла для тебя, иначе отцовское проклятіе разразится надъ ней.

— Остановись старикъ жестокій! не произноси этого страшнаго слова... дрожащимъ голосомъ проговорилъ Иванъ. Да, я люблю ее и готовъ для счастія и спасенія этого ангела невиннаго пожертвовать моею жизнію!

— Готовъ? сказалъ Сусанинъ.

— Готовъ! отвѣчалъ Иванъ.

— Кто порука?

— Кто надъ нами и выше насъ.—Иванъ указалъ на небо.

— Дай руку.

— Вотъ она!

— Довольно, благодарю тебя, добрый Иванъ; прощай!

Тѣмъ кончился разговоръ ихъ, и Иванъ стоялъ долго на этомъ мѣстѣ, какъ окаменѣлый истуканъ; вдругъ какъ будто огненный лучъ проникъ на него—онъ очнулся, и какъ стрѣла пущенная изъ лука, такъ скоро пустился онъ бѣжать,—куда? не зналъ

самъ. Въ такомъ-то положеніи онъ блуждалъ цѣлыя сутки, какъ мы видѣли выше, и вотъ эта то настоящая причина его сердечнаго, ужаснаго урагана!

Природа пробудилась отъ летаргическаго сна, облеклась въ роскошныя разноцвѣтныя ткани, устлала зелеными коврами луга и поля, одѣла въ новыя одежды деревья. Вездѣ дышало жизнію и радостію; все восхищалось прелестями щедрой авроры.

День былъ праздничный. По голубому небу катилось роскошное солнце, и изрѣдка тихій вѣтерокъ перешептывался съ древесными листочками — словомъ день былъ майскій.

По дорогѣ къ монастырю Ипатьевскому шли кучи народа; обѣдня отошла, и всѣ спѣшили къ перекускѣ теплаго загибня (*), въ этомъ числѣ былъ и старикъ Сусанинъ съ своею челядью. Здѣсь же была и Марія, блѣдная; остатки болѣзни еще не совсѣмъ изгладились, и гибельные слѣды ихъ еще

(*) См. выше, стр. 9.

были видны. Тихая поступь, томный взоръ, блѣдность лица—словомъ все показывало, что она еще недавно оставила свое болѣзненное ложе. Она уподоблялась нѣжной розѣ, едва развернувшейся, едва выказавшей свои прелести, и буря склонила ее съ нѣжнаго стебелька, на которымъ едва-было она выказала свою прелестную ароматную головку.—такова точно была Марія.

Первое и священное чувство сердца Маріи, было вознесть пламенную мольбу къ Владычицѣ небесной о возтаніи отъ одра болѣзненнаго; первая мысль—словославіе и благодареніе. О! какъ она молилась....

Что, Машенька, ненаглядная моя ягодка, лучше ли тебѣ, моя родимая? говорила невѣстка ея Анна, любившая ее, какъ дочь свою. Царица небесная да подкрѣпитъ тебя силою небесною, да отыдетъ прочь злой недугъ!

— Давно моя родимая, такъ проговорила Марія, горѣло мое сердце попросить Матерь Божію о ниспосланіи мнѣ здоровья, и теперь мнѣ легче на сердцѣ...

— Да, Марія, тихо сказалъ купецъ Рискуновъ: я долго вѣчно не забуду тотъ день, когда Господь воззвалъ тебя на здоровье...

О, буди имя Господне благословенно отъ нынѣ и до вѣка.

— Благодарю тебя, Василій Савичъ, такъ звали Рискунова, за участіе принимаемое во мнѣ; пошли тебѣ Богъ здоровье! отвѣчала Марія, покраснѣвши.

— Нѣтъ, Марія, тутъ не за что благодарить: мы всѣ по человѣчеству немощны и въ немощахъ нашихъ должны, обязаны помогать другъ другу тяготы, чтобъ уподобиться Ему въ служеніи, отвѣчалъ набожно Рискуновъ.

Въ такихъ разговорахъ принимали участіе всѣ и одинъ предметъ имъ былъ—одна Марія. Они приблизились къ дому и, войдя въ горницу, всѣ набожно перекрестились, и каждый занялъ свое мѣто; а Марія, по слабости здоровья, удалилась со второй своей матерью, невѣсткою Анной, въ свѣтлицу.

— Родимая, сядь-ка возлѣ меня и послушай, что я тебѣ повѣдаю, сказала Марія, садясь на пуховикъ. Анна сѣла возлѣ нея, и Марія немного помолчавъ, какъ будто ловя въ умѣ прошедшее, начала:

— Воспитанная и взлелѣянная тобою съ колыбели, моя родимая — да, я лишилась

моей родимой матери, будучи еще въ пеленкахъ, это и ты знаешь,—я вела жизнь беззаботную, безпечную. И о чемъ же мнѣ была заботиться? Ты какъ родимая была всегда со мною, и я не желала ничего болѣе, я была выше, нежели счастлива.

Подъ твоимъ надзоромъ возрасла и начала разцвѣтать... первыя мои мысли, первые вздохи посвящены были красамъ воскресающей природы, когда весенняя птичка едва защебечетъ, едва весенній жаворонокъ порхнетъ съ проталинки и, клубясь и кружась въ воздухѣ, запоетъ трель свою, и мое сердце, и мой взоръ слѣдитъ его... Едва распустился, едва разовьется цвѣтокъ, а я бѣгу опрометью вдыхать въ себя его ароматическій запахъ. Когда зарумянится весенняя заря и въ нашемъ саду сижу на дерновой скамьѣ и въ благоговѣйномъ безмолвіи жду восхода солнечнаго. Съ приближеніемъ его, мое ритивое бьется шибче и сильнѣе... Да, родимая, я никогда, никогда не забуду этой беззаботно моей юности... Я любила природу, ея красы, пріятный ароматъ цвѣтовъ, блеяніе барашковъ, заунывное пѣніе нашихъ поселянъ при обработываніи полей, а еще болѣе хороводныя пѣсни моихъ подругъ, когда онѣ, при закатѣ

солнца, возвращались на покой послѣ дневныхъ трудовъ. Словомъ, моя родимая, я блаженствовала: въ это время не знала ни горя, не печали —ничего; только мои забавы были цвѣты, пѣсни и хороводы; но вотъ настала година, година, лишившая меня навсегда спокойствія: во мнѣ заронилось какое-то непонятное, непостежимое для меня чувство...

Однажды, этому было назадъ двѣ весны, когда я возвращалась съ милой моей Груней съ хороводовъ домой, какъ подошелъ къ намъ молодецъ: онъ низко поклонился Грунѣ и сталъ съ ней разговаривать о прекрасной погодѣ, о хороводныхъ пѣсняхъ; и, родимая, какъ мило, какъ сладко онъ говорилъ,—я заслушилась рѣчей его; между разговорами онъ пристально взглядывалъ меня, и этотъ взглядъ его палилъ всю на меня,—я была сама не своя... Придя къ Грунѣ, я спросила ее про этого молодца. и она сказала, что онъ сынъ одпаго изъ зажиточныхъ крестьянъ нашего села, зовутъ его Иваномъ. Съ этихъ поръ я часто видала его у Груни; и когда я была у ней, и непремѣнно и онъ уже тутъ былъ...

Эти частыя встрѣчи, эти разговоры какъ-

то сблизили меня съ нимъ; но страшилась питать эти чувства въ своемъ сердцѣ. Но тщетно я старалась изгнать ихъ,—они еще сильнѣе укоренялись ко мнѣ. Напрасно я убѣгала его, напрасно уклонялась отъ встрѣчи съ нимъ—нѣтъ, меня влекла къ нему какая-то таинственная сила: мнѣ какъ будто кто-то нашептывалъ, чтобъ я этого не дѣлала, но чтобъ повиновалась влеченію моего сердца, и я стала послушна ему, какъ кроткая овечка...

Однажды, это было въ праздникъ Петрова дня, когда ты родимая, съ дядюшкою и дѣдомъ поѣхали въ гости въ сосѣднее село, а я за нездоровьемъ осталась дома, ко мнѣ пришла Груня и неотступно стала звать на поле рвать цвѣты... я рѣшилась идти съ ней. Пришли на поле и Иванъ сидѣлъ на луговинѣ. Я оробѣла и стала упрекать мою подругу въ вѣроломствѣ; мнѣ стало очень стыдно; сердце у меня билось сильнѣе прежняго—я чувствовала какую-то дрожь во всемъ тѣлѣ... Иванъ, завидя насъ, тотчасъ всталъ и, подойдя къ намъ, низко поклонился.

О, моя родимая, я и теперь не забуду, что съ нимъ было.

Онъ то блѣднѣлъ, то краснѣлъ; а въ гла-

захъ его сверкало какое-то страшное пламя... я боялась даже взглянуть на него.

Пройдя нѣсколько шаговъ съ Груней по луговинѣ, мы сѣли на зеленый пригорокъ, и этотъ пригорокъ былъ началомъ моей бѣдственной жизни. Да, съ этихъ поръ, жизнь беззаботная отлетѣла отъ меня, какъ сладкая мечта,—и грусть, и печаль оковали мое сердце. Съ тѣхъ поръ я предалась унынію; какая-то мрачная безпредѣльная будущность преставлялась ежеминутно глазамъ моимъ; я плакала неутѣшно сама съ собою.

— Иванъ на этомъ мѣстѣ открылъ мнѣ свою душу и сердце и вырвалъ изъ устъ моихъ пламенное признаніе любить его... онъ сжалъ меня въ своихъ объятіяхъ; огненный, завѣтный поцѣлуй заключилъ на вѣки неразрывный союзъ двухъ сердецъ. Да, онъ любитъ меня выше всего земнаго... равно и мое сердце пылаетъ такою же любовію къ нему. Я не ищу болѣе никакого блаженства, никакихъ радостей, кромѣ моего Ивана; и когда онъ бывалъ со мною, я благословляла эти минуты и не замѣчала, какъ быстро текло время въ нашихъ взаимно милыхъ разговорахъ и восторгахъ! Такъ блаженствовали мы нѣсколько мѣсяцевъ, и

Иванъ рѣшился говорить о довершеніи нашего счастія съ батюшкой. Онъ былъ согласенъ на наше счастіе; но безъ согласія дѣда сдѣлать этого не могъ, и жестокій дѣдъ... увы, родимая!.. Онъ сгубилъ меня и свалилъ въ постель... Онъ наотрѣзъ отказалъ въ просьбѣ Ивану, сказавъ съ презрѣніемъ, что лучше даетъ согласіе на священный союзъ послѣднему крестьянину, нежели ему... и съ безстыдствомъ выгналъ вонъ Ивана.

И такъ, обольстительная надежда, питаемая нами, исчезла, и я узрѣла бездну подъ ногами; проклинала тотъ день, когда я увидѣла Ивана и отдала ему сердце... Однако, кто можетъ положить законы любви невинной, любви пламенной? Мы въ этой безнадежности питали священный огонь любви въ сердцахъ, и это святое распятіе, которое таится близъ моего сердца, на пламенной груди моей, и тотъ золотой перстень, который я отдала Ивану,—суть наши вѣчные залоги гробовой любви.—Она прервется, угаснетъ за гробомъ нашимъ, и тогда истлѣютъ наши завѣты.. Да, родимая, я предчувствую, что эта любовь сведетъ меня въ мрачное ложе, и тамъ я успокоюсь... а теперь тяжкія думы облегли мое сердце,

и я не вынесу ихъ бремени, погребусь подъ ними...

Марія замолчала, и крупныя слезы полились изъ свѣтлыхъ очей ея; она рыдала неутѣшно, прижавшись къ груди второй своей матери, какъ будто ища въ ней защиту отъ жестокой судьбы своей!

Сердце Анны, нѣжно любившей свою питомицу, не вынесло горя ея милой, и Анна соединила свои слезы со слезами Маріи — онѣ обѣ плакали.

— Такъ какъ же, Василій Савичъ, и ты думаешь уже насъ оставить, говорилъ старикъ Сусанинъ, прохаживаясь съ купцомъ Рискуновымъ по куртинамъ зеленаго сада. Жалко мнѣ, право, я полюбилъ тебя парень, какъ сына роднаго за твои умныя рѣчи, за твою примѣрную скромность—право ты образецъ всѣмъ молодцамъ.

— Благодарю тебя, почтенный мой благодѣтель, за такую честь и любовь, отвѣчалъ съ поклономъ молодой Москвитянинъ; а мое безпредѣльное уваженіе и память до гроба къ моему благодѣтелю. О, если бы, Иванъ Сидорычъ, ты могъ прочесть въ сердцѣ

чувство, питаемое къ тебѣ и всему твоему семейству... Я отдалъ бы все, что имѣю у себя, за эту возможность!

— Не говори мнѣ этого, молодецъ; ты видишь на мнѣ сѣдину волосъ—и эта сѣдина есть долголѣтняя моя опытность. Я никогда не ошибался въ людяхъ и умѣю читать у каждаго, что на сердцѣ; умѣю разсматривать достоинства или низкіе поступки. Да, я никогда не дѣлалъ промаху, поэтому я тебя знаю также вѣрно, какъ ты самъ себя.

Рискуновъ опустилъ глаза внизъ и живой румянецъ заигралъ на щекахъ его.

Такова всегда скромность молодости! она безотчетна, стыдлива, когда порокъ не дерзнулъ заклеймить ее своей черной печатью... и зараженный воздухъ не коснулся розоваго чела и не обезобразилъ ея красоты. О, эти порожденія эхидны—смертоносны и зловредны для невинности. Она драгоцѣнна, какъ перлъ азійскаго падишаха, и какъ трудно при всемъ томъ сохранить и возлелѣять ее отъ этихъ эхиднъ, которыя непрестанно вооружаются на ея погибель!

На такой-то степени юности былъ и мо-

лодой Москвитянинъ, купецъ Рискуновъ. Воспитанный съ колыбели подъ кровомъ родительскимъ, онъ былъ всегда подъ руководствомъ честнаго отца, одареннаго добрыми качествами. Отъ него онъ пріобрѣлъ тѣ нравственныя достоинства, коими отличается молодость въ цвѣтѣ дней своихъ. Достигнувъ восемнадцатилѣтняго возраста, онъ лишился добраго своего наставника отца, котораго потеря для него была тѣмъ чувствительнѣе, что онъ, еще недостигнувъ совершеннаго возраста, долженъ былъ принять на себя всѣ торговыя дѣла его, которыя были довольно обширны и въ хорошемъ состояніи, къ этому его обязывала и самая необходимость: онъ долженъ былъ заботиться о благосостояніи, осиротѣвшаго семейства—главой и попечителемъ долженъ быть онъ. Престарѣлая мать, два малолѣтнихъ брата и почти уже невѣста сестра, вотъ въ чемъ была ему единственная забота. Нѣсколько лѣтъ онъ управлялъ всѣми дѣлами и оборотами отца съ расчетливостію, остроуміемъ и особенною честностію въ торговлѣ.

Этою рачительностію и стараніемъ онъ приувеличилъ доходы. Чрезъ два года по смерти отца онъ выдалъ сестру въ замуж-

ство за одного изъ своихъ пріятелей и отдалъ хорошую наслѣдственную часть ей въ приданое. Двухъ братьевъ сдѣлалъ своими помощниками. Такъ всѣ дѣла шли счастливо до его двадцати пяти лѣтняго возраста. По достиженіи этихъ лѣтъ, Рискунову предстала необходимость по торговлѣ ѣхать самому въ Астрахань.

Тщетно мать, братья и всѣ родные упрашивали его остаться, а послать вмѣсто себя повѣреннаго, представляя ему теперешнее смутное время, гдѣ каждый гражданинъ не безопасенъ отъ непріятностей, тщетно умоляли покрайней мѣрѣ помедлить это время и успокоить тѣхъ, кои дорожатъ его жизнію. Рискуновъ былъ всегда твердъ въ своей мысли и отваженъ иногда до безразсудства, и богиня счастія всегда хранила его отъ непріятныхъ случаевъ. Онъ теперь рѣшился не отлагать свой отъѣздъ, зная, что и по отъѣздѣ его дѣла будутъ идти такъ же, какъ и при немъ. Два брата его, одинаковыхъ же съ нимъ качествъ, хотя и были разсѣянны, но у него былъ опытный и знающій управитель, который пользовался всегдашнею довѣренностію и отца его, поэтому онъ былъ покоенъ. Взявъ нужныя съ собою деньги и вещи, онъ выѣхалъ изъ

Москвы въ самое смутное время. Поляки заполонили первопрестольный городъ; грабежъ, безначаліе царствовали какъ въ окрестностяхъ столицы, такъ и въ ней самой.

Польскій царь Сигизмудъ, прибывшій съ сыномъ своимъ Владиславомъ въ русскую резенцію, думалъ, что онъ находится въ своей Varsovie, а потому онъ обращался съ Русскими, какъ съ презрѣнными рабами. О какъ тяжка, какъ больна эта истина сердцу русскому! Пришлецы, обманщики чуждое имъ, не ими пріобрѣтенное, называютъ своимъ, отнимаютъ силою, угрожаютъ смертію. И Русскіе, вѣрные сыны престолу и отечеству, равнодушно рѣшаются идти на смерть и гибель—и умираютъ истинно Русскими!... Зачѣмъ же вы, Греки, гордитесь *Спартанцами?* (*) У насъ свои Леониды у насъ свои Спартанцы — Русскіе. За васъ говорятъ *Термопилы* (**) и

(*) Спарта была одной изъ цвѣтущихъ областей древней Греціи, какъ по богатству, такъ и образованности гражданъ.

(**) Термопилы (или иначе Ѳермопилы), называлось мѣсто, гдѣ былъ проходъ изъ Спарты, заключающійся между двумя горами въ узкой долинѣ. Здѣсь, во время сраженія Грековъ съ персидскимъ царемъ Киромъ, мужественно рас-

указываютъ на могилы, обезсмертившія героевъ.—У насъ, говорятъ, Москва—вся святая земля Русская и указуютъ на эти безмолвные, безсмертные остатки...

Москва видѣла въ древнихъ стѣнахъ своихъ, какъ варвары губили вѣрныхъ сыновъ ея; она видѣла струящуюся кровь изъ ранъ ихъ, она слышала стоны умирающихъ и послѣдній вздохъ сыновъ своихъ возносила Жизнодавцу, какъ достойнѣйшую Ему жертву. Она видѣла это кровавое пиршество и не уныла, и не поколебалась духомъ; но твердо увѣрена была въ защитѣ отъ насилія и наказанія за хищничество и невинное пролитіе крови вѣрныхъ сыновъ ея отъ безмезднаго Мздовоздаятеля и Судіи.

Сигизмудъ, король польскій, расточалъ ласки, золото, обольщенія, обманы, угрозы, смерть и огнь къ прекращенію вражды и водворенію мира; а міръ этотъ, погуб-

---

жаясь триста человѣкъ Спартанцевъ съ необъятными полчищами Персовъ за свободу отечества, подъ предводительствомъ своего Царя Леонида, пали съ честію и славою, и Ѳермопилы и понынѣ служатъ памятникомъ ихъ величія.

Эфиръ, автора.

ный миръ состоялъ въ провозглашеніи сына его, королевича Владислава, законнымъ государемъ и повелителемъ земли Русской! Увидимъ далѣе, исполнятся ли всѣ предначертанія и планы короля польскаго; а теперь проводимъ нашего молодаго Москвича Рискунова изъ бѣдствующей столицы.

Слезы и рыданія матери и братьевъ далеко проводили его. Пріятная погода, хорошая дорога, лошади, веселый извощикъ— вотъ необходимыя условія для всякаго путешественника: не будь ихъ, и смертельная грусть и скука измучатъ васъ, вы проклянете себя, всю жизнь—словомъ, будете заклинать всякаго никуда и никогда не ѣздить; но Рискунову все благопріятствовало: торговый трактъ его лежалъ на г. Орелъ, Брянскъ, гдѣ у него были дѣла; окончивъ ихъ, онъ ѣхалъ чрезъ дремучіе, Брянскіе лѣса, и здѣсь-то несчастіе постигло его, какъ мы уже видѣли. Шайка польскихъ мародеровъ напала на него,—отняла у него лошадей, деньги, собранныя имъ въ разныхъ мѣстахъ на довольно значительную сумму, да и самая жизнь его была въ большой опасности отъ нанесенныхъ ранъ. Это было въ срединѣ осени и въ самое ненастное, самое скучное время года. Рискуновъ

претерпѣвая нужду, голодъ, холодъ, добрался почти до Костромы; въ этомъ городѣ жила его родная тетка, почтенная, богатая и добрая купчиха; къ ней-то онъ и шелъ искать помощи; но Провидѣніе, пекущееся о несчастныхъ, дало ему помощь эту и прежде назначеннаго имъ мѣста, — село Ипатьево, и благодѣтеля ему — добраго крестьянина этого села, Ивана Сусанина; у него то онъ нашелъ родной пріютъ и пособіе! Здѣсь-то, въ нѣсколько мѣсяцевъ его болѣзни, онъ свыкся съ его семействомъ и сталъ будто роднымъ. Рискуновъ писалъ въ Москву къ матери о своемъ несчастіи и о благодѣтеляхъ своихъ, въ которыхъ онъ нашелъ неожиданное счастіе, ихъ любовь, участіе въ его болѣзни, словомъ, о безпримѣрномъ ихъ человѣколюбіи, и обѣщался скоро возвратиться на родину, къ которой горитъ его душа и тоскуетъ сердце, но между прочимъ намекалъ въ письмахъ о какой-то необыкновенной привязанности къ семейству Сусанина, съ которымъ бы онъ не желалъ никогда разстаться; а буде это и случится, то для него эта разлука будетъ несносно тягостна.

Родные Рискунова эту привязанность приписывали его взаимному чувству благодар-

ности и любви за оказанныя благодѣянія; а болѣе же ничего не думали. Но мы посмотримъ, одно-ли это чувство благодарности за благодѣянія привязывало его къ нимъ.

Обратимся къ разговору старика Сусанина съ молодымъ Рискуновымъ, который было мы потеряли изъ виду.

— Впрочемъ хотя мнѣ и жалко тебя, молодецъ, отпустить, продолжалъ Сусанинъ, но нечего дѣлать: не свое не называй своимъ, грѣхъ будетъ. Покрайней мѣрѣ, Василій Саввичъ, погости у насъ до имянинъ, если только можно тебѣ, Михаила Ѳедоровича, нашего боярина. Петровъ день у насъ не загорами, а тамъ черезъ десятокъ дней и его Ангелъ; въ этотъ день у насъ всегда бываетъ большой праздникъ; а ликованью и веселью въ благочестивой обители Ипатьевской и сказать не могу. Здѣсь ты увидишь нашего дорогаго имянинника не какъ малаго птенца, а какъ возмужалаго семьянина и хлѣбосола хозяина; здѣсь сойдутся, какъ дѣти къ отцу, изъ окрестныхъ селъ и деревень... Да что ты такъ грустенъ, взглянувши вдругъ на Рискунова, сказалъ Сусанинъ.

— Какъ мнѣ не грустить, почтенный Иванъ Сидоровичъ, вздохнувъ, проговорилъ Рискуновъ. Дальняя разлука съ родиною, предстоящая разлука съ вами, мои благодѣтели, и эта разлука тяжка мнѣ, я предчувствую это... Здѣсь я оставляю и душу и сердце такъ, сердце, которое было полно беззаботности и безпечности, а теперь оно лишилось покоя, и налегла на него грусть тяжкая... Я не могу и не въ силахъ преодолѣть себя, я дѣлаюсь какъ будто чуждымъ самому себѣ и все это произошло въ здѣшней странѣ, вотъ подъ этимъ голубымъ небомъ, и вотъ эти липы, эти березы и густыя ивы были свидѣтельницами моихъ сердечныхъ вздоховъ и слезъ и рыданій— да, рыданій невинныхъ... Словомъ, почтенный мой Иванъ Сидоровичъ, я потерялъ здѣсь свое сердце и я полюбилъ... Но что я говорю? я боготворю невинное, это небесное существо, люблю ее душевно и горю сердцемъ и всѣмъ органомъ моего тѣла. О, чѣмъ мнѣ выразить эту пламенную любовь мою... Такъ говорилъ Рискуновъ въ пылу своей страсти.

— Вотъ какъ-же я угадалъ, сказалъ старикъ. Я уже давно замѣчалъ за тобою молодецъ, что ты сталъ какъ-то не по себѣ—

и грустенъ, и задумчивъ. Сперва я думалъ, что это произошло отъ продолжительной болѣзни твоей; но эта болѣзнь бываетъ всегда постоянною; а ты не всегда былъ таковъ, и частехонько бывалъ веселъ и разсѣянъ, словно какъ добрый молодецъ. Ну, Василій Саввичъ, если такъ то скажи мнѣ, я люблю тебя какъ роднаго,—попридумаю и поприсовѣтую тебѣ,—счастливъ ли твой выборъ. Семьдесятъ лѣтъ живу здѣсь и всѣхъ наперечетъ знаю—и молодокъ, и красныхъ дѣвушекъ: ты укажи мнѣ только на твою голубку сизокрылую, а я скажу и повѣдаю тебѣ про нее, какъ все по писанному...

Рискуновъ замолчалъ. Глаза у него сверкали какимъ-то огнемъ; румянецъ стыдливости ярко заигралъ на щекахъ его, на устахъ дрожало какое-то таинственное признаніе. Старикъ Сусанинъ пристально глядѣлъ на него и молчалъ. Нѣсколько минутъ они не говорили ни слова: наконецъ Рискуновъ схватилъ быстро руку старика, прижалъ ее къ сердцу, вздохнулъ тяжко и сдѣлалъ знакъ другою рукою идти въ бесѣдку. Скоро они пришли туда и сѣли на дерновой скамейкѣ. Рискуновъ молчалъ.

— Что съ тобой, молодецъ, ты не въ

себѣ? говорилъ старикъ Сусанинъ съ участіемъ.

— Точно, я не въ себѣ, почтенный благодѣтель мой, вздохнувъ, наконецъ проговорилъ Рискуновъ: но буду говорить съ тобою Иванъ Сидоровичъ, языкомъ сердца, могу-ли я открытся тебѣ, не оскорбляя лѣта твои?

— Можешь ли открыть сердце?.. молодецъ, ты обижаешь меня этими словами. Я просилъ тебя и принимаю участіе въ судьбѣ твоей говори смѣло, сказалъ Сусанинъ.

— Не стану снова повторять мою благодарность за благодѣянія, коими я пользуюсь нѣсколько мѣсяцевъ по несчастному со мной случаю, такъ началъ Рискуновъ, это было бы лишнимъ съ моей стороны; но, почтенный дѣдушка, да позволено мнѣ будетъ почтить тебя этимъ названіемъ, привычка свыкаетъ людей, приковываетъ ихъ къ себѣ, заставляетъ даже думать и мыслить одинаково, дѣйствовать сообразно ихъ дѣйствованіямъ, просто сказать, быть непремѣнно послушным[illegible]къ сказать, подчиняясь ихъ волѣ. [illegible] привычка, эта сила, происходитъ отъ непрестаннаго обра-

щенія съ людьми. Другое дѣло—любовь она рождается не отъ привычки, не отъ воли, а отъ душевныхъ ощущеній, отъ другой важнѣйшей пружины, именно: участіе въ сердечныхъ чувствованіяхъ, и въ скорби, и въ радости, и въ грусти, и печали; здѣсь то и рождается любовь... этотъ небесный огнь, это неземное чувство, которое живитъ и услаждаетъ душу радостями неземными. О! это чувство далеко земнаго, какъ далеко небо отъ насъ... Вотъ эту-то священную; чистую и непорочную любовь я питаю въ душѣ моей... и когда только приведу на мысль, то благодѣяніе, которымъ я воспользовался, и за это могу-ль заплатить такой непростительной дерзостію? Дрожь пробѣжитъ по всѣмъ жиламъ, по всему тѣлу, я впадаю въ уныніе, и только что скорбные стоны, излетаемые по временамъ изъ стѣсненнаго сердца, и слезы обильно орошаютъ мои ланиты и грудь, и мнѣ какъ будто...

— Погоди, молодецъ, прервалъ Рискунова Сусанинъ: отъ кого-же ты видѣлъ благодѣянія? ты, мнѣ кажется, никогда ни о комъ не говорилъ? Развѣ ты начинаешь скрытничать...

— О, нѣтъ, Иванъ Сидоровичъ, мое

сердце было всегда открыто какъ предъ Богомъ, такъ и предъ тобою, но я просилъ тебя; чтобы мнѣ говорить языкомъ сердца. Благодѣтель ты мнѣ одинъ: ты съ родимыми своими далъ мнѣ вторую жизнь, воззвалъ меня отъ гроба къ жизни и я питаю въ душѣ моей чувство пламенной любви къ твоей ненаглядной голубкѣ Маріи!.. О, прости меня, прости, что произнесъ я...

Рискуновъ закрылъ пылающее лице свое руками; въ груди его бушевала буря, весь ураганъ пылающей страсти....

О, какъ стыдливо и какъ страшно первое признаніе молодости въ этой пылкой, огненной любви! тоже, что первое щебетаніе едва оперившейся, едва вспорхнувшей съ пуховаго гнѣздышка весенней пташки!

Была полночь. Черныя тучи обложили небосклонъ: змѣеносныя молніи, извиваясь по воздушному пространству, озаряли страшнымъ блескомъ сосѣднія окрестности Ипатьево-Троицкой обители; громъ грохоталъ въ

высотѣ черныхъ тучъ и по временамъ ужаснымъ трескомъ, подобно взрыву подземному, колебалъ землю и приводилъ въ трепетъ жителей.

Въ такую-то страшную пору, во время этихъ бунтующихъ стихій, когда природа не дерзаетъ пошевелить листочкомъ, когда и птичка прячется въ свое теплое гнѣздышко, когда все безмолвствуетъ, но не безмолвствуютъ однѣ страсти человѣка! онѣ не страшатся ни бурь, ни всѣхъ ужасовъ природы, онѣ ратоборствуютъ съ ними. Такъ великъ человѣкъ!

Въ это время Иванъ, круглый сирота села Ипатьевскаго, едва тащась по дорогѣ, шелъ къ монастырю. Дождь ливмя лилъ и своей щедростью наполнялъ рытвины по песчаной дорогѣ. Иванъ, не смотря на сильный дождь, шелъ все далѣе и далѣе. Вдругъ небо растворилось и огненной полосой раздѣлилось на двое; извилистая молнія ударила въ молодую зеленую березу, расщепавъ ее въ мелкія части, и она съ трескомъ упала почти у ногъ Ивана, который, оглушенный громомъ упалъ навзничь.

Спустя немного, онъ опомнился, перекрестился, всталъ и въ недальнемъ разстояни-

нашелъ пень, поросшій мхомъ. Иванъ сѣлъ на него. Какое-то страшное предчувствіе колебало его душу; онъ считалъ за предзнаменованіе будущей судьбы своей, гибель молодой березы... Можетъ быть, думалъ онъ, такая-же участь ожидаетъ и его; можетъ быть такая-же жестокая буря, такой-же свирѣпый ураганъ его пламенной любви къ прелестной Маріи, сразитъ его также подобно молодому дереву... онъ предугадывалъ, что Марія, этотъ идеалъ души его, достанется въ блаженство не ему, а другому; можетъ быть она послѣ тяжкой своей болѣзни забыла его... и много прочихъ и тяжкихъ думъ облегли его мысли и сердце... Онъ оледенѣлъ бы въ этой суровой, безпредѣльной мысли, еслибъ хрипловатый голосъ сзади не вывелъ его изъ этого положенія.

— Кто ты ни есть, хотя вижу тебя [illegible] и готовъ отъ всего сердца предложить мою услугу, проговорилъ голосъ.

Иванъ пришелъ въ себя и оглянулся. Въ это время блеснула молнія и освѣтила безобразное лицо низкаго роста старика, который также могъ мгновенно разсмотрѣть лицо Ивана.

— Что-то знакомое мнѣ, сказалъ тихо Иванъ. Если не ошибусь, то, кажись, ты это Алешенька.

Точно, это былъ заклятой колдунъ *Алешка*, по прозванію *волкъ*. Иванъ зналъ его еще съ малолѣтства и даже шелъ къ нему повѣдать о Маріи.

— Что-то знакомое!.. неужели это ты, молодецъ Иванъ?

— Ты не ошибся; точно это я; даже и черезъ силу брелъ къ тебѣ, дѣдушка, и вотъ какая счастливая встрѣча. Какъ я радъ теперь тебѣ.

— Ну, ну, полно, Ванюша, пойдемъ; вишь какая темь и дождь-то ливмя идетъ... я то и чаялъ, что тебя убило, когда грянулъ страшный ударъ,—свалило бѣдняжку березку. Вѣдь я все видѣлъ, сидя вонъ за этой куртиной: да ужъ тогда вышелъ, когда ты привсталъ и сѣлъ вотъ на этомъ пнѣ. Экая темь? какъ-бы намъ не сбиться съ дороги... пойдемъ вправо вотъ межъ этими курганами.

Иванъ и Алешка Волкъ шли все дальше въ глушь лѣса; вотъ вправо показался бол-

шой дубъ, склонившійся дугой, какъ клонится старость отъ древнихъ лѣтъ. Зашли за дубъ, повернули еще вправо—и пройдя нѣсколько шаговъ подошли къ низкой лачужкѣ, крытой соломой; сзади ея примыкалъ дворикъ, обнесенный окольникомъ. Они вошли въ избу. Иванъ отъ усталости и, промокшій отъ дождя; какъ говорится, до нитки, сѣлъ на лавку; а Алешка сталъ вырубать огонь изъ трутницы.

Лучина была на готовѣ въ сошкѣ и огонь освѣтилъ жилище колдуна.

— Вотъ теперь дѣло хорошее мы разогрѣемъ печку и просушимся, сказалъ колдунъ и началъ бросать хворостъ и сухія палки въ печку, потомъ положилъ лучину зажегъ—и хворостъ разомъ запылалъ.

— Ну-ка сядь-ка со мною Иванъ Петровичъ погрѣйся, сказалъ Алешка, ставя скамью противъ печи. Иль немоченъ сталъ, молодецъ, отъ невзгодья? Перестань дружечекъ, дѣвичиться... Иль ретивая боль а?

— Не до шутокъ Алешенька, право мнѣ не мило. Если хочешь помочь горю, то помоги, вставая, говорилъ Иванъ, усаживаясь рядомъ съ колдуномъ.

— Одна дума лежитъ на сердцѣ по голубкѣ сизокрылой, повѣдай, погадай, да и скажи мнѣ, что будетъ ли она моей, иль достанется другому, а вотъ тебѣ и задатокъ...

Иванъ сунулъ колдуну серебряный рубликъ.

— Ну спасибо на этомъ, молодецъ, сочтемся при концѣ, коварно улыбнувшись, сказалъ Алешка. Тотчасъ къ дѣлу. А какъ зовутъ твою голубку?

— Маріей.

— Сколько лѣтъ ей, знаешь-ли?

— Безъ двухъ мѣсяцевъ восемнадцать.

— Стало быть въ сентябрѣ она родилась, въ знакѣ вѣсовъ? Гмъ? посмотримъ кто-то у ней суженый-ряженый... А какой волосъ у ней?

— Настоящій цвѣтъ каштана!

— О, такъ должна быть хороша, Ванюша, твоя голубка, не худъ-же твой выборъ, съ сатанинской улыбкой проговорилъ колдунъ и, подойдя къ переднему углу, снялъ съ полки небольшой дубовый ящичекъ, вынулъ кость своего ремесла, маленькую книжечку непропорціональной толщины, разложилъ кости на лавкѣ, раскрылъ книжку и

началъ что-то кабалестическое бормотать. Кончивъ эту непонятную для Ивана радею, подозвалъ его къ себѣ.

— Видишь-ли, что говорятъ кости? таинственно прошепталъ колдунъ; умѣешь-ли по нимъ читать свою судьбу и твоей голубки?

— Нѣтъ, я не учился этому искуству, съ робостію отвѣчалъ Иванъ.

— Гмъ! не умѣешь, а я знаю судьбу твою и твоей голубки... да полно, говорить ли мнѣ? сморщивъ харю, сказалъ колдунъ.

— Говори дѣдушка, заклинаю тебя, говори скорѣй...

— Слушай-же: ты несчастливъ отъ любви: горячо любишь твою Марью, а она тебя еще болѣе: но вотъ эта проклятая кость, какъ будто злобясь, отшвырнулъ въ сторону кость, проговорилъ колдунъ, — она мѣшаетъ и помѣщаетъ вашему счастію. Есть ли у ней старикъ или старуха, близкая родня? сказалъ колдунъ, пристально глядя на кости и книжку.

— Есть несговорчивый дѣдъ, отвѣчалъ Иванъ.

— Ну, такъ онъ-то и разстроитъ всѣ ваши планы. Скажу вѣрно тебѣ, молодецъ Иванъ Петровичъ: она не будетъ твоей: этотъ старикъ начинаетъ строить другіе планы... Смотри, смотри,—увивается около голубки твоей какой-то черноокій молодецъ, и не даромъ этотъ старикъ думаетъ думу отдать голубку этому молодцу... да и онъ къ нему неравнодушенъ, любитъ его, и думать надобно, что дѣло у нихъ придетъ скоро къ концу, но голубка твоя ноетъ сердечушкомъ по тебѣ, и жалко мнѣ васъ; вамъ не обречено быть вмѣстѣ... Суженаго не выходитъ, ей, и тебѣ также... какая-то скорбная участь предстоитъ вамъ обоимъ... а ты положишь свою головушку на чужбинѣ...

— Погоди, схвативъ за руку колдуна, проговорилъ Иванъ, задыхаясь отъ порыва чувствъ: дай мнѣ опомниться... я не въ силахъ болѣе выдержать твоего зловѣщаго карканья... Что ты сказалъ о черноокомъ молодцѣ? Правда-ли это? Говори заклятый духъ... или я задушу тебя.

Иванъ бросился на колдуна; схватилъ его за шею.

— Что-же ты дѣлать хочешь со мною?

Виноватъ-ли я, что судьба твоя не такова, какъ-бы желалось тебѣ. Клянусь тебѣ всѣмъ что я не лгу. Ты долженъ знать будущее, и я открылъ тебѣ. Помянешь тогда меня, какъ сбудется все... Пусти-же меня, Иванъ Петровичъ, пощади мою старость... я послужу еще тебѣ, вырываясь изъ мощныхъ рукъ Ивана, хрипѣлъ колдунъ.

— Ты послужишь мнѣ? какъ будто опомнясь, сказалъ Иванъ. Хорошо; такъ это истинная правда?

— Увидишь завтра.

— Завтра? Ты это знаешь вѣрно?... гдѣ и какъ? говори скорѣй!

— Тамъ, въ монастырѣ Ипатьевскомъ, послѣ обѣдни... Теперь прощай! грозно вскричалъ колдунъ и скоро выбѣжалъ изъ избы, оставя Ивана въ глубокомъ раздумьи.

Въ такомъ-то положеніи, тяжкомъ и печальномъ самозабвеніи, пробылъ Иванъ нѣсколько часовъ. Онъ очнулся уже тогда, когда солнце высоко неслось по голубому небу. Онъ думалъ, не во снѣ ли ему представлялось все это? но лачуга заклятаго колдуна доказывала противное, и страшныя слова его звучали въ ушахъ его...

Дрожь пробѣжала по всему тѣлу его, онъ всталъ, перекрестился и поспѣшно вышелъ изъ жилища проклятаго отшельника, направя шаги къ монастырю Ипатьевскому.

Наступилъ день ясный, іюльскій. Къ монастырю Ипатьевскому народъ шелъ толпами по дорогамъ съ четырехъ сторонъ, разодѣтый по праздничному.

Вдали тихій вѣтерокъ разносилъ гулъ колокольный, возвѣщавшій собою время божественной литургіи, и всѣ по призывному голосу его спѣшили, опереживая другъ друга, желая стать поближе къ олтарю Господню, насладить взоръ свой его богатствомъ и вмѣстѣ древнимъ и величественнымъ украшеніемъ, наполнить душу свою этимъ духовнымъ ѳиміамомъ, стройнымъ и звучнымъ пѣснопѣніемъ отшельниковъ суетъ мірскихъ и взглянуть получше, попристальнѣе на виновника торжества сего, на этого дорогаго еще юнаго, но великаго имянинника (*). Этого всѣ желали и оттого всѣ, спѣша, тѣснили и перебивали другъ у друга дорогу.

(*) [illegible] Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ праздновалъ свои имянины 12 числа іюля и въ этотъ день онъ всегда дѣлалъ большій пиръ, какъ это водилось по тогдашнему времени и обычаю бояръ русскихъ.

Замѣч. автора.

Между такимъ множествомъ желающихъ было и семейство маститаго лѣтами крестьянина хлѣбосола села Ипатьевскаго, Ивана Сусанина. Его всѣ знали и почитали, и онъ, идя между толпами, былъ награжденъ часто низкими поклонами и ласковыми привѣтами. Всякій его семьѣ давалъ дорогу и при общемъ спѣхѣ никто не давалъ толчковъ. Таковъ-то былъ между ними старикъ Сусанинъ и его семья. Пробравшись съ большою трудностью сквозь безчисленную толпу, они наконецъ вошли въ храмъ, гдѣ епископъ костромской Іосифъ совершалъ литургію. Бояринъ Романовъ съ матерью были также въ храмѣ на своемъ боярскомъ мѣстѣ; многочисленная свита окружила его.

Нѣсколько часовъ продолжалась служба Божія по уставу монашескому. Старикъ Сусанинъ набожно молился о спасеніи души своей и о ниспосланіи благъ земныхъ милой и не наглядной его внучкѣ, Марьѣ, которая должна войти на новое поприще жизни, вступая въ священный союзъ брака; предверіе ему, день сговора былъ уже имъ назначенъ. Молился и о ниспосланіи счастія, здравія и благополучія драгоцѣнному имянниннику, котораго онъ любилъ и

почиталъ выше всего земнаго словомъ, Сусанинъ, горѣлъ молитвою къ Богу.

Но молилась ли его ненаглядная Марія? Такъ ли она молилась, какъ молился дѣдъ ея, и о томъ-ли она просила можетъ быть, со слезами Жизнодавца и Матерь Божію, чего просилъ онъ.

Да, Марія, стоя вмѣстѣ съ невѣсткой своей усердно молилась; но просила она всещедраго Подателя не земныхъ и суетныхъ благъ, коими ослѣпляется неопытная юность и дряхлая старость, но просила Марія, да воззоветъ Онъ, всещедрый Отецъ, ее къ себѣ, туда, въ обитель дальнюю, горнюю, вѣчную! Да исчислитъ ее изъ круга живыхъ, потому-что она не въ силахъ болѣе выносить тяжкаго ярма бѣдствій, обрушихся на ея душу и сердце...

И когда она влеклась этой мыслію, невольно вспомнила, что она обручена другому... и сердце ея, этотъ талисманъ, не избралъ его участникомъ своимъ, и она, какъ кроткій ягненокъ, какъ невинная голубка едва оперившаяся, должна, наперекоръ, судьбы, испить эту чашу горести, покориться волѣ отца и дѣда. Какъ горько, какъ неутѣшно плакала Марія въ про-

долженіи обѣдни и уже по окончаніи ея она какъ-будто очнулась, когда возгласили громкое многолѣтіе законному Наслѣднику прародительскаго Престола земли Русскія, Михаилу Ѳеодоровичу Романову — и сердце русское, невинной Маріи, встрепенулось отъ торжественнаго взыва, который будто потрясъ своды святаго храма: этотъ день былъ очень памятенъ юному обладателю земли Русскія, когда архипастырь святыя церкви, взойдя на амвонъ, по окончаніи обѣдни, прочелъ во услышаніе всѣхъ всеподданнѣйшую грамоту отъ князей и бояръ и всего народа Русскаго, присланную на канунѣ этого дня изъ Москвы, въ коей онъ признанъ законнымъ Государемъ земли Русскія, и клиръ возгласилъ многолѣтіе Царю Русскому.

И какое зрѣлище представилось при торжественныхъ минутахъ этихъ! Михаилъ плакалъ, какъ плачетъ дитя; но вдругъ просіяло мужество на лицѣ царственнаго юноши; онъ взялъ руку своей матери, благочестивой Марѳы Романовой, и огненный поцѣлуй напечатлѣлъ на рукѣ родимой, перекрестился и вошелъ на амвонъ къ архипастырю.

«Представитель святыя церкви сперва къ

тебѣ обращаюсь съ умоляющимъ словомъ, сказалъ Михаилъ Романовъ. и крупныя свѣтлыя слезы заблистали на очахъ царственнаго отрока. Я слышалъ, и вникалъ грамотѣ, читанной тобою, пастырь благочестивый; эта грамота призываетъ меня принять упразднившійся престолъ Царскій, вступить въ управленіе моимъ отечествомъ, которому я вѣрный сынъ. Нѣтъ, святитель, я не дерзаю вступить въ санъ Царя и умоляю тебѣ и всѣхъ васъ, братіе мои, оставить меня въ спокойствіи въ этой единственной обители, въ которой я долженъ съ моей матерью лить слезы о спасеніи жизни страдальческой моего несчастнаго родителя... Да я не вынесу тягости правленія Царя, я очень молодъ (*), изберите себѣ Царя достойнѣе меня: князья Пожарскій и Шуйскіе—вотъ вѣрные представители для васъ».

Михаилъ замолчалъ, какъ будто ожидалъ отвѣта. Архіерей сказалъ: Во имя Единосущной Троицы и по силѣ грамоты этой, ты законный Государь, и такъ воскликнемъ:

(*) Михаилу Ѳедоровичу былъ только что семнадцатый годъ отъ рожденія. На предшествующихъ страницахъ авторъ позволилъ себѣ несколько отступить отъ строгой исторической истины. См. зам. ч. 1, стр. 29.

съ нами Богъ и Государь нашъ Михаилъ Романовъ».

Тысячи голосовъ раздались въ народѣ и, подобно грохоту грома, огласили стѣны святой обители: «Съ нами Богъ и Государь нашъ Михаилъ Романовъ! мы никого не желаемъ кромѣ его!»

Но Михаилъ сказалъ: благодарю васъ, братіе мои, за такой привѣтъ; но я самъ буду писать въ первопрестольный градъ Москву отзывную грамоту; буду умолять, если только возможно, обойдти меня этимъ выборомъ; я представлю князей и бояръ достойнѣй и старше меня лѣтами къ сану царскому. И, сказавъ эти слова, Михаилъ сошелъ съ амвона и вмѣстѣ съ матерію удалился въ свой теремъ; но народъ не переставалъ возглашать имя Михаила, какъ законнаго своего Государя.

На луговинахъ монастырскихъ были разставлены длинные столы, заставленные разными кушаньями; огромные котлы кипѣли съ сладкимъ сбитнемъ, и служители монастырскіе щедро подчивали имъ званыхъ и незваныхъ гостей за здоровье именинника Михаила Романова.

Старикъ Сусанинъ былъ въ числѣ званныхъ гостей и пировалъ съ семействомъ въ боярскомъ теремѣ. Ласка и радушный пріемъ хозяина ободрили старика и дали смѣлость высказать все, что было у него на сердцѣ. То плакалъ онъ и цѣловалъ руку у Михаила, то пилъ зеленое вино и свѣтлый медъ за здоровье добраго и радушнаго хозяина имянинника, и здѣсь-то отъ избытка чувствъ сказалъ то, что тяготило его сердце: онъ говорилъ матери Романова о своей голубкѣ ненаглядной Маріи, сказалъ, что онъ отдаетъ ее замужъ за молодаго Москвича Рискунова.

— Доброе, доброе дѣло, старинушка Сидоровичъ, затѣваешь, такъ его всегда называла Мароа Романова. Можетъ, Богъ приведетъ тебѣ попироватъ на свадьбѣ у твоей ненаглядной голубки и дождеться правнучковъ... Да, она дѣвушка хорошая; я люблю ее за скромность; а скромность старинушка, межъ красными дѣвицами дѣло великое и хорошее. Будь счастлива, моя милая, и Романова подѣловала Марію, которая была подлѣ нея, а она у ней руку.

— А гдѣ-жъ суженый ея? спросила Романова.

— Онъ здѣсь, добрая моя Государыня матушка, и тотчасъ предстанетъ предъ свѣтлое лице твое; сказавъ эти слова, старикъ пустился искать Рискулова, нареченнаго своего внука, по горницамъ, въ которыхъ пировали гости.

— Старый демонъ! остановись, разбойникъ!.. куда тащится гнусная душа твоя? или разомъ задушить тебя?.. внѣ себя и въ ужасномъ отчаяніи говорилъ Иванъ, встрѣтивъ Сусанина въ одной изъ горницъ терема Романова, сильно схвативъ его за полу кафтана.

— Ба! это ты, презрѣнная тварь... и ты осмѣлился войти сюда, въ этотъ теремъ Государя, осмѣлишься еще...

— Убить тебя чудовище, тиранъ! вскричалъ въ бѣшенствѣ Иванъ, не давъ договорить Сусанину и взмахнувъ рукою, вооруженною камнемъ, ударилъ имъ сильно старика Сусанина по головѣ.

— Попомни-жъ меня, старый дьяволъ, сказалъ, уходя, Иванъ Сусанину, который, облившись кровью, упалъ на полъ. На стонъ и крикъ его сбѣжались люди изъ всѣхъ горницъ и изумились, видя его плавающимъ въ крови и въ глубокомъ безпамятствѣ.

Скоро подана была помощь ему, но вѣсть объ этомъ происшествіи дошла до ушей Романовой, а ея сына еще скорѣй; она произвела на всѣхъ непріятное впечатлѣніе и запятнала торжественный день кровавымъ зрѣлищемъ. Наступалъ глубокій вечеръ, какъ народъ постепенно убавлялся, и къ полуночи обитель опустѣла, и желѣзныя ворота, такъ радушно принимавшія всѣхъ, затворились, и тяжелый запоръ плотно прилегъ къ нимъ. Но тамъ, позади терема боярскаго, кто-то медленными шагами прохаживался по длинной аллеѣ, ведущей въ садъ и примыкавшей къ самому терему. Послышался кашель вдали, и мужчина невысокаго роста въ длинномъ армякѣ и высокой шапкѣ, услыша какъ будто условный знакъ, поспѣшно пошелъ къ тому мѣсту.

— Что ты такъ долго? я давно жду тебя Ѳеддеюшка, сказалъ Иванъ; это былъ онъ.

— Да все не было времени, право, Иванъ Васильевичъ; усталъ, что немочь беретъ; ужъ мнѣ этотъ праздникъ и боярская пируха! за то и не даромъ — набилъ кармашки рублевиками... Пойдемъ же поскорѣе; какъ бы насъ незамѣтили, а то подумаютъ и Богъ не вѣсть что, сказалъ гудочникъ.

Они пошли по аллеѣ и на самомъ концѣ сада сѣли на дерновую скамью.

— Что, Иванъ, ты худо надѣлалъ; будетъ ли, полно, живъ старикъ... Мѣтко же ты его попотчивалъ! смѣясь, говорилъ Ѳаддей.

— Туда ему и дорога, скареду! Да какъ дѣла-то сказалъ Иванъ.

— Да плохи для тебя такъ же, какъ и ты плохо погорячился. Слушай, повѣдаю тебѣ, что слышалъ и видѣлъ о твоей голубкѣ; она почти сговорена уже за Рискунова, вѣдь ты знаешь того молодаго Москвича, и я пилъ за здоровье ихъ!...

— Чтобъ провалиться ему сквозь тартаръ! вскричалъ Иванъ, прервавъ гудочника.

— Ради Бога не кричи!.. до худа не долго и мнѣ съ тобою; я любя тебя лишь это дѣлаю, а не для чего...

— Благодарю, другъ мой!.. вотъ тебѣ за память обо мнѣ, горемыкѣ... Иванъ далъ ему нѣсколько рублевиковъ. Да, я не зналъ прежде и тебя хорошо и думалъ, что ты сказалъ старому демону Сусанину про лю-

бовь мою къ Маріи... Ну, другъ, прости моей запальчивости, не сердись на меня, прибавилъ Иванъ.

— Э, что за сердце, Иванъ Васильевичъ! я благодаренъ тобою, родимый отвѣчалъ Ѳаддей, припрятывая рублевики.

— А когда свадьба будетъ? проговорилъ Иванъ.

— Говорятъ, по осени, и, какъ слышалъ, что будто старикъ Сусанинъ приглашалъ и низко кланялся моей боярынѣ Романовой, прося ее занять почетное мѣсто посаженной матери...

— Довольно, сказалъ Иванъ отчаяннымъ голосомъ; по осени развѣ будетъ ихъ кровавая свадьба; нѣтъ, не достанется же Марія на потѣху гнуснымъ извергамъ... я вырву ее изъ варварскихъ челюстей, не дамъ на снѣденіе имъ или скорѣе самъ погибну! Но этотъ старый демонъ не уйдетъ отъ меня, и если погублю его не своими руками, то предамъ въ руки польскія.. Да, добрый Ѳаддей, мнѣ ужъ нельзя больше оставаться въ здѣшнихъ мѣстахъ, я знаю, что меня ищутъ, но придетъ время, когда и я поищу ихъ... да и мнѣ самому опостылело

дѣла родина моя теперь я уже не сынъ ея. Отринутый и презрѣнный ею, я озлобленъ... изыскиваю въ умѣ моемъ всѣ адскіе замыслы противъ суженаго Маріи: всѣ должны погибнуть, спасена же должна быть одна Марія.

— Теперь побѣгу, полечу туда въ Москву и не какъ защитникъ здѣшнихъ мѣстъ, но какъ предатель: войду въ связь съ Поляками и чрезъ нихъ дойду до королевича ихъ, которому открою тайну души моей, тайну, теперь только загнѣздившуюся въ моемъ сердцѣ, и надѣюсь, что онъ ко мнѣ не будетъ нечувствителенъ, не отринетъ меня, какъ забыла меня и отринула мать отчизна моя! Прости, добрый Ѳадѣй, при случаѣ я тебя не забуду.

Иванъ обнялъ какъ бы забывшагося гудочника и скоро скрылся съ глазъ его въ густыхъ аллеяхъ боярскаго сада.

— Худо, худо затѣваешь, молодецъ, какъ будто опомнившись, проговорилъ гудочникъ, качая головою; смотри, не положи [illegible] [illegible] свою горемычную головушку; не тебѣ бы думать о такихъ страшныхъ дѣлахъ и не мнѣ бы, несчастному гудочнику, слушать пустыя твои рѣчи. Это,

ужъ заря начала заниматься, а я еще глазъ съ глазомъ не свелъ, — взглянувъ вверхъ, прибавилъ гудочникъ; ну, да не даромъ; понабилъ свои карманы, да и тутъ сорвалъ хоть не за пѣсню, такъ за вѣсточку — и гудочникъ потихоньку сталъ пробираться къ боярскому терему.

Послѣ нанесеннаго удара старику Сусанину въ отчаянной и дерзкой запальчивости Иваномъ, онъ опомнился; скоро подана была ему помощь отъ его семейства и постороннихъ, которые брали живое участіе въ старикѣ. Сама Романова дала разныя примочки и своими руками перевязывала больныя мѣста, такъ она любила старика Сусанина, который, не смотря на боль, отъ чистаго сердца лилъ слезы благодарности и лобызалъ руки своей благодѣтельницы. Вскорѣ его отправили домой при тщательномъ надзорѣ его родныхъ.

Михаилъ Романовъ, этотъ царственный юноша, показалъ здѣсь всю справедливость своего еще юнаго характера въ угнетенной невинности, повелѣвъ немедля оты-

скать дерзкаго преступника для представленія судьямъ и блюстителямъ справедливости и законовъ къ примѣрному наказанію. Но по всѣмъ розыскамъ не только Ивана, но и слѣда его не отыскали и всѣмъ запало на умъ, что онъ самъ себѣ прекратилъ, гдѣ нибудь жизнь постыднымъ образомъ.

Нашлись люди, которые пожалѣли о безразсудной молодости; а были и такіе, которые говорили туда ему и дорога!

Посудили, поговорили и скоро забыли объ этомъ происшествіи.

Такъ всегда дѣлается на свѣтѣ!..

Приближалось уже время, назначенное для открытаго сговора Маріи съ Рискуповымъ.

Сусанинъ постепенно оправлялся отъ болѣзни. Начались приготовленія, зазывы гостей—словомъ, суматоха. Наконецъ, наступилъ назначенный день и Сусанинъ, уже излечившись отъ болѣзни совершенно, принималъ главное распоряженіе и участіе въ этомъ. Онъ же былъ первымъ изъ зажиточныхъ крестьянъ села Ипатьева; всѣ-

ми былъ любимъ и уважаемъ за честность и доброе сердце; пользовался покровительствомъ отъ боярскаго дома *Романовыхъ*; да притомъ же выдавалъ замужъ ненаглядную и любимую имъ внучку за богатаго и молодаго московскаго купца. По всѣмъ этимъ причинамъ Сусанину не хотѣлось ровняться съ прочими и сдѣлать вечеринку кое какъ на скорую руку; но какъ съ полными обрядами религіи, которые при этомъ случаѣ всегда бываютъ, хотѣлъ и составить бы пиръ, за который бы ему всякій сказалъ сто разъ спасибо за позывъ. Въ эдакомъ-то тонѣ готовилъ пиръ Сусанинъ.

День былъ прекрасный, погода теплая, хотя иногда и попахивало сентябремъ, но что за дѣло. У Сусанина было много горницъ — есть гдѣ помѣститься гостямъ. Какъ скоро окончились вечерни, и званные гости постепенно стали наполнять горницы Сусанина, хозяинъ каждаго гостя встрѣчалъ съ поклономъ, чистымъ и ласковымъ привѣтомъ. Спустя часъ времени, подъѣхала къ воротамъ, въ богатой боярской колымагѣ, знаменитая посаженая мать Романова съ единственнымъ сыномъ, и Сусанинъ вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Петромъ, отцемъ Маріи,

веди за собою жениха и невѣсту, встрѣтили по тогдашнему обычаю знаменитыхъ гостей. Всѣ съѣхались: разодѣтые и разряженые молодцы, и красныя дѣвицы, и молодки, и муженьки ихъ, сѣденькія головки.

Но кто всѣхъ лучше была, какъ не прелестная невѣста, Марія? Кто всѣхъ ловчѣе и складнѣе, какъ не женихъ ея? И этотъ стройный станъ, и эта томность глазъ, и эта ослѣпительная бѣлизна лица, на коей рисовалась какая то таинственная дума и грусть, придавали ей еще болѣе прелести и красоты...

Всѣ глядѣли на нее, всѣ любовались ею, какъ существомъ не земнымъ; но Марія была скучна и ни на что не обращала вниманія,—только по временамъ говорила съ Романовой, возлѣ которой она сидѣла. Она то разсказывала ей о невинныхъ удовольствіяхъ своей юности: дѣтскихъ играхъ, пѣсняхъ, объ этой беззаботной дѣвической жизни, а болѣе ни о чемъ; то цѣловала часто ея руки, потому что почитала и любила ее лучше всѣхъ.

Женихъ же ея, напротивъ, былъ очень веселъ, разговорчивъ со всѣми, всѣмъ го-

ворилъ, что онъ чрезвычайно счастливъ, что Богъ посылаетъ ему въ обладаніе такое прелестное существо, такую райскую розу.

Наступило время обряда, и служитель святыя церкви, прочтя завѣтныя молитвы, повелѣлъ Маріи проститься съ своими подругами дѣвства, а жениху съ молодцами; потомъ, взявши приготовленныя для сего дѣла святыя иконы въ богатыхъ золотыхъ окладахъ, подалъ ихъ, вмѣстѣ съ хлѣбомъ и солью, боярынѣ Романовой и Петру, Сыну Сусанина, отцу Маріи, и женихъ съ невѣстою набожно сдѣлали троекратные поклоны до земли; за этимъ священникъ обручилъ ихъ золотыми кольцами, какъ завѣтами вѣчнаго неразрывнаго союза, благословляемаго самимъ Богомъ, и здѣсь пламенный поцѣлуй, быстрый, сильный, какъ искра электрическая, заключилъ обрядъ жениха и невѣсты!

До этого времени все безмолвствовало; всѣ молились и набожно взирали на обрядъ обручанія; но теперь говоръ заступилъ мѣсто тишины, и красныя дѣвицы, подруги Маріи, призванные на сговоръ, не замедлили исполнить свой долгъ: онѣ запѣли

свадебныя пѣсни,—и все оживилось. Стопки и кубки безпрестанно пѣнились дорогими винами, пивомъ и свѣтлымъ медомъ и дружно осушались при желаніи счастія, любви и согласія жениху и невѣстѣ. Боярскій гудочникъ Ѳаддей веселилъ всѣхъ своими пѣснями и прибаутками. Онъ часто взглядывалъ на невѣсту Марію какимъ-то сотрадательнымъ взглядомъ, и Марія, кажется, понимала и читала въ его взглядѣ что-то грустное для своего сердца. Хотя она сидѣла и подлѣ жениха своего, но мысль ея слѣдила того, который былъ уже далеко отъ этаго мѣста веселья; и хотя всѣ считали ее счасливою, но Марія думала иначе: она очень знала, что есть жертва предразсудковъ и тяжкаго повиновенія для чувствительнаго и нѣжнаго сердца.

По временамъ, выходя въ свою свѣтлицу, облегчала грусть, эту грызущую змѣю сердца, обильными слезами... да, такова участь всѣхъ страдальцевъ—слезы ихъ пища, лѣкарства растерзаннаго сердца...

Было одиннадцать часовъ вечера, какъ бoярыня Романова, поблагодаря добраго хозяина и хорошаго семьянина за почет-

ное для нея званіе матери и давъ наставленіе жениху и невѣстѣ, поѣхала домой вмѣстѣ съ своимъ сыномъ.

Долго, долго за полночь продолжалась пирушка одни игры смѣнялись другими и придавали ей еще болѣе веселости и разнообразія; но, наконецъ, природа и напитки Бахуса взяли свое—и скоро горницы ласковаго и добраго Сусанина опустѣли, и Марія, оставивъ жениха, пошла въ свою свѣтлицу. О, какъ рада она была, что нашла свободу дать волю своимъ мыслямъ, которыя терзали ея воображеніе, представляя ей всю безнадежность настоящаго и очертывая наступающую для нея будущность какими-то мрачными красками, и отъ этого то она такъ неутѣшно плакала.

Бѣдная Марія, что то будетъ съ тобою?...

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ИВАНЪ СУСАНИНЪ

ИЛИ

СМЕРТЬ ЗА ЦАРЯ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ.

ЧАСТЬ. II.

„Боже! Царя храни!
Славному долги дни
Дай на земли!“ *Жуковскій.*

Соч. Михаила Дмитревскаго.

МОСКВА
ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА П. Н. ШАРАПОВА,
наследницы С. В. Лузиной.
188[illegible].

Дозволено цензурою. Москва Апрѣля 13 дня 1898 г.

Тип. И. Д. Байкова. Покровка, близь Земляного вала
д. Шишкова.

Иванъ Сусанинъ

или

СМЕРТЬ ЗА ЦАРЯ.

Гоненье на Москву! что значитъ видѣть свѣтъ!
Гдѣ-жъ лучше?—гдѣ насъ нѣтъ!

Грибоѣдовъ.

„Какъ не любить родной Москвы!..“

Баратынскій.

Начинало смеркаться, и снѣгъ клочьями валился и устилалъ землю бѣлымъ полотномъ. По дорогѣ смоленской, нѣсколько полупьяныхъ Поляковъ тащились изъ Москвы, качаясь и распѣвая свои національныя аріи и пѣсни.

На третьей верстѣ отъ русской столицы эта полупьяная толпа остановилась — здѣсь виднѣлся, немного вправо отъ большой дороги, полуразвалившійся домишко, крытый соломою; огонь мелькалъ изъ крошечныхъ окошекъ — это былъ домъ разгулья любителей Бахуса, его одуряющаго напитка. Сюда-то эти ляхи направили путь.

— Давай скорѣй *водочки*, москаль! вскричалъ одинъ изъ поляковъ, входя въ горницу, напитанную спиртуозными парами.

— А сколько васъ тутъ? проговорилъ продавецъ напитка, толстобрюхій крестьянинъ, бѣлокурый, съ окладистой бородой и въ кумачной рубашкѣ.

— Да съ десять насчитаешь... Ну же, по кружкѣ на брата... живѣй, Москаль!.. вотъ тебѣ и злотые, сказалъ другой Полякъ.

И они всѣ помѣстились за длиннымъ неопрятнымъ столомъ, на скамьѣ; но этотъ столъ носилъ только одно названіе, а по фигурѣ былъ ничто иное, какъ тоже высокая скамья.

— Ну, панъ Хорвицкій, началъ одинъ Полякъ: какъ ни говори, а право худо намъ приходитъ жить въ этой Московіи: голодъ не свой братъ, шутить не любитъ: и еслибъ не этотъ добрый Москаль, съ которымъ я познакомился съ недѣлю, не давалъ *водички*, то право вотъ тебѣ, панъ, божусь, я бы давнымъ давно расшибъ себѣ голову вотъ этимъ пріятелемъ моимъ... Онъ показалъ пистолетъ.

— Іезусъ Марія (*) вскричалъ панъ

(*) Іезусъ Марія у Поляковъ это религіозное восклицаніе.

Замѣч. автора.

Хорвицкій въ умѣ-ли ты, Эгмондъ! (такъ звали этого отчаяннаго удальца). Или ты думаешь,—голодъ дороже души? Да притомъ же эта жертва важна какъ для нашего отечества, такъ и для славы короля Сигизмунда...

— Провалъ его возьми! вскричали нѣсколько голосовъ, изъ честолюбія и зависти онъ жертвуетъ нами; насъ душатъ и мучатъ Москали, когда на ихъ улицѣ праздникъ, въ отплату за то, что мы у нихъ отнимаемъ насильственно послѣднія крохи, дабы утолить нестерпимый голодъ...

— Да, Эгвидъ, сказалъ панъ Хорвицкій, оборотясь къ одному молодому и прекрасному лицомъ поляку: правда что мы теперь терпимъ не по силамъ, а особенно ты, мой бѣдняжка,—ты переносишь голодъ и тѣлесный, и душевный—одинъ другаго стоитъ... Что-то твоя прекрасная, нѣжная, черноокая Юліана? Думаю, соскучилась по тебѣ отъ такой шести-мѣсячной разлуки... или...

— Полно, панъ, шутить, не тревожь мое ретивое—оно и такъ неугомонно, какъ неугомоненъ нашъ обольститель король. Что касается до моей Юліаны, то она все таже,

какой была: и все такъ мила, и все такъ вѣрна... Да я вчера получилъ письмо отъ нея, но лишь только ворочусь въ нашу прекрасную Varsovie, — прилечу къ моей Юліанѣ въ ея пылкія, пламенныя объятія, и союзъ священный, вѣчный соединитъ насъ... и на глазахъ юноши заблистали радостныя, сладкія слезы.

— Браво, Эгвидъ! за здоровье любезной *коханочки* (*) Эгвида... виватъ! И Хорвицкій съ товарищами осушили залпомъ стопки свѣтлаго вина. Эгвидъ покраснѣлъ, какъ краснѣетъ дѣвица при взглядѣ на любезнаго...

— Вина, вина, Москаль!.. давай скорѣй еще по кружкѣ! кричали опьянѣлые Ляхи.

— А что, Москаль, подойдя къ залавку сидѣльца, шепнулъ Полякъ, по имени Эгмондъ: что у тебя за чудо-юдо сидитъ вонъ тамъ, въ углу, закутанный съ ногъ до головы, а?.. Не шпіонъ-ли, полно?

— Какой шпіонъ, пріятель! простой прохожій издалека, отвѣчалъ сидѣлецъ.

(*) Коханочкой у Поляковъ называется дѣвица или барышня.

Замѣч. автора.

— Да что-же онъ тамъ сидитъ, какъ кикимора? не хочетъ ли онъ *водички* — оно съ дорожки-то хорошо.

— Не знаю... спроси самъ, сказалъ сидѣлецъ. И двое Поляковъ подошли къ незнакомцу.

— Здравствуй, пане, кто ты ни есть, добрый человѣкъ или лихой!

На призывъ ихъ отвѣта не было, незнакомецъ какъ будто былъ погруженъ въ глубокую думу. Вопросъ снова повторился, и незнакомецъ какъ-бы очнулся.

— Кому я нуженъ? кто спрашиваетъ меня? проговорилъ онъ.

— Мы, добрые Поляки, и хотимъ послужить тебѣ...

— Поляки!.. съ изступленною радостью, вскричалъ незнакомецъ: мнѣ-то васъ и нужно... я вашъ пріятель, вашъ товарищъ— слышите-ли!

— Браво, новый товарищъ, ради!: вскричали всѣ, усаживая новаго товарища съ собою и осушивъ по стакану вина.

— Ну, теперь да позволено мнѣ будетъ назвать васъ товарищами, скажите-же мнѣ, что дѣлается въ Москвѣ? выпивъ стаканъ вина, проговорилъ незнакомецъ.

— Ба, онъ Москаль! онъ Русскій! вскричали всѣ.

— Да, Русскій; но только Русскій по этому хилому и слабому остову; но вашъ, сильный и храбрый по душѣ, по этому истерзанному, отринутому сердцу... я вашъ, слышите-ли?

— Что это значитъ, товарищъ?.. чѣмъ истерзано твое сердце? спросилъ панъ Хорвицкій.

— Нѣтъ скажите мнѣ напередъ, что дѣлается въ Москвѣ; я горю желаніемъ знать объ ней подробно — и тогда объясню вамъ, теперь непонятныя для васъ, слова мои, снова повторилъ свою просьбу незнакомецъ.

— Мы и сами не знаемъ зачѣмъ пришли сюда, такъ начиналъ панъ Хорвицкій: ласки, обольщенія, угрозы, — словомъ, всѣ хитрости употреблены были со стороны нашего королевича и этого проклятаго пана Сендомирскаго Юрія Мнишека, его любимца. Сами, наговорили, наобѣщали въ нашей Московіи золотыя горы, а вышло на дѣлѣ другое. Не только не видимъ нашихъ

сдобныхъ и вкусныхъ вареничковъ (*), но дожили теперь до того, что и завалящая, сухая корка служитъ лакомымъ кусочкомъ...

— Чтобъ сгибнуть Владиславу!.. проворчалъ сквозь зубы, отворотясь въ сторону, одинъ Полякъ. Онъ привелъ насъ тѣшиться надъ нашимъ голодомъ вдали отъ родимой Польши; потѣшься же надъ его душою самъ Господь Богъ за мученье его надъ нами...

— Ну, погоди, Эгмонъ, не перебивай рѣчи, сказалъ панъ Хорвицкій. Да, товарищъ, голодъ и холодъ не лады, мы обмянуты, да и только; дѣлать нечего — еще дождемся конца, а иначе...

— Иначе — маршъ на родину! вскричалъ другой Полякъ, шатаясь по горницѣ.

— Замолчи глупецъ, повелительно сказалъ панъ. Будь пьянъ, да уменъ — слышишь-ли?

Полякъ замолчалъ, и Хорвицкій продол-

(*) Вареницами или вареничками называются въ Польшѣ небольшіе пирожки съ сыромъ для начинки; они или жарятся въ маслѣ, или варятся въ водѣ.

Замѣч. автора.

жалъ:—Владиславу очень хочется быть царемъ Московіи, а у васъ теперь вѣдь нѣтъ Государя, и хотя говорятъ про какого-то пана Романова, да никто не знаетъ, гдѣ онъ находится...

— Гмъ! не знаютъ? это то мнѣ и на руку, проворчалъ сквозь зубы незнакомецъ, сдѣлавъ злобную улыбку. А положимъ что еслибъ Владиславъ узналъ о его мѣстѣ житья, то тогда что сдѣлалъ-бы онъ?..

— Ого, товарищъ, вотъ тебѣ Богомъ клянусь, что Владиславъ дорого бы заплатилъ тому, кто бы только сказалъ про Романова ему. Мнѣ кажется, онъ бы самъ себя заложилъ за эту счастливую вѣсть: онъ знаетъ, что Романовъ соперникъ ему... вотъ въ этомъ-то теперь и идетъ затяжка... а еслибъ не было его, тогда все давнымъ-бы давно уладили, и Владиславъ достигъ-бы непремѣнно своей цѣли, а теперь выходитъ за пятая. Впрочемъ, онъ ожидаетъ послѣдняго рѣшенія отъ князей и пановъ вашихъ, а иначе уже силою займетъ мѣсто Государя Московіи...

— А что, панъ Хорвицкій, проговорилъ незнакомецъ: можно ли видѣть вашего королевича, напримѣръ, мнѣ?

— А для чего? вскричали всѣ съ изумленіемъ.

— Да такъ,—сказать ему одно словечко, за которое, увѣренъ, онъ хорошо поблагодаритъ меня...

— Эге, товарищъ, про насъ сказать что-ли?.. сказалъ панъ, крутя свои усы... такъ не водится... это худо... вотъ какъ-же мы опростоволосились... видно ты шпіонъ отъ королевича... но, впрочемъ мы тебя живаго не выпустимъ изъ рукъ, если ты не скажешь намъ подъ клятвой твое намѣреніе, о чемъ ты хочешь говорить Владиславу... говори сейчасъ, теперь — или голова твоя покатится шаромъ съ плечъ! слышишь-ли Москаль?

— Ха, ха, ха!.. Ой вы, Ляхи, Ляхи, смѣясь, говорилъ незнакомецъ, или вы не поняли меня,—слушайте теперь. Дѣло пришло къ развязкѣ: вы приняли меня къ себѣ въ товарищи, хотя и Русскій я — не такъ-ли?

— Такъ, такъ! вскричали всѣ.

— Ну, дальше слушайте: я сказалъ непонятные для васъ слова, что мое сердце

истерзано въ борьбѣ съ бѣдствіями, отринуто родиною...

— Точно, ты говорилъ это, и мы до сихъ поръ не понимаемъ, къ чему они клонятся, сказалъ Хорвицкій.

— Теперь поймете ихъ: я сынъ богатаго крестьянина села Ипатьевскаго; оно отсюда около трехъ сотъ поприщъ; меня зовутъ Иваномъ (это былъ онъ); я родился и взросъ въ этомъ селѣ. Въ немъ почти одинихъ лѣтъ со мною, была прекрасная собою, невинная, любезная дѣвушка; ее зовутъ Марія, она тоже внучка одного богатаго и уважаемаго всѣми старика, Ивана Сусанина. Мы почти взросли вмѣстѣ; привычка какъ-то сроднила насъ, и мы другъ безъ друга скучали. Но наступили лѣта, въ которыя развиваются всѣ способности, данныя существу разумному отъ Творца Всемогущаго, и любовь — это чувство неземное, эта ужасная борьба съ природою, этотъ ураганъ души чувственной и нѣжной, желѣзной и холодной,—затлилась, запылала въ сердцахъ нашихъ, сердцахъ еще невинныхъ и неопытныхъ... и слезы полились изъ глазъ Ивана. Да, товарищи, я съ моей милой Маріей ждалъ только одного—наше-

го блаженства, нашего счастія, чтобъ этотъ священный и этотъ важный союзъ брака соединилъ насъ навѣки; но судьба готовила чашу горестей и наперекоръ сдѣлала сво... свое, можетъ быть, къ общей нашей гибели. Мы любили другъ друга тайно, страстно и ни кто изъ родныхъ—ни ея, ни моихъ, не зналъ про любовь нашу. Я избралъ время, рѣшился открыться въ любви нашей ея отцу и просить позволенія на бракъ—онъ былъ согласенъ: но дѣдъ, этотъ проклятый старичишка, и слышать не хотѣлъ объ этомъ,—и наотрѣзъ сказалъ, что онъ никогда не отдастъ свою внучку за такого разгульнаго парня, какъ я, вдобавокъ угрожалъ проклятіемъ, буде не сдѣлается и по его волѣ. На эту пору случился у него въ домѣ молодой купчикъ изъ Москвы, котораго этотъ старикъ любитъ, и за него-то онъ, корыстолюбецъ, теперь просваталъ мою милую Марію, за этого бездушнаго человѣка, у котораго только карманы звенятъ золотомъ... я взбѣсился и въ безуміи моей страсти, въ этомъ всепожирающемъ ураганѣ, на праздникѣ у боярина Романова, этого самаго законнаго наслѣдника земли Русскія, нанесъ ударъ, можетъ быть и смертельный, и, какъ отринутый родиною, бѣжалъ сюда, дыша мщеніемъ и гибелью...

Вотъ, товарищи, въ чемъ дѣло: я хочу открыть, для вашего блага и счастія королевича Владислава, мѣсто, гдѣ живетъ законный наслѣдникъ земли Русской, Романовъ!.. а вы мнѣ за эту вѣсточку помогите отмстить этому злому старику Сусанину и вырвать изъ челюстей чудовища мою милую Марію...

— Іезусъ Марія! вскричали всѣ Поляки въ энтузіазмѣ. Не Богъ-ли намъ послалъ тебя, товарищъ. Будь спасителемъ нашимъ!.. Виватъ, виватъ Иванъ, Москаль, нашъ добрый товарищъ! и каждый обнималъ Ивана.

Долго, долго за полночь пировалъ Иванъ, предатель, съ новыми своими товарищами, и уже на зарѣ, опьянѣлые, они едва выкатились изъ дома развратнаго и грубаго пиршества.

Скажите мнѣ, гдѣ гнѣздится это божественное, это безотчетное чувство привязанности и любви къ отчизнѣ, гдѣ мы впервые узрѣли свѣтъ Божій, возросли и возмужали? Такъ-ли мы любимъ мать, которая лелѣяла и питала насъ своимъ молокомъ? Такъ-ли любитъ юноша подругу жизни своей, съ коей онъ дѣлитъ и радости, и горе, роскошь и бѣдность? Одно-ли это чувство привязанности и одна-ли это такая любовь? Нѣтъ, друзья мои, нѣтъ. Любовь къ родному—это чувство энергическое, священное; оно родится въ насъ вмѣстѣ съ нашимъ рожденіемъ: слѣдовательно, это чувство—есть мы сами, и поэтому оно угаснетъ тогда, когда мы отдѣлимся отъ міра

сего и перелетимъ *къ любви безконечной* и *вѣчной* иначе—это есть патріотизмъ!

Такой-то патріотизмъ имѣлъ въ душѣ своей одинъ изъ гражданъ Нижняго Новгорода,—имя его Мининъ.

Вѣсть о взятіи Поляками первопрестольнаго града Москвы, къ коей онъ питалъ священное благоговѣніе, потрясло душу его. Пожаръ патріотизма со всей яростію вспыхнулъ въ душѣ гражданина нижегородскаго. Онъ собираетъ почетныхъ гражданъ своихъ, представляетъ имъ картину ужаса родины; по временамъ рыданія и слезы заглушали слова его; но граждане нижегородскіе поняли слова своего патріота. Мщеніе запылало въ сердцахъ ихъ, и они одушевилися безпримѣрною ревностію пожертвовать всѣмъ, что каждый имѣлъ у себя, для собранія и прокормленія войска, чтобъ исторгнуть силою свое отечество и наказать извергов за право нарушенія собственности и дерзкое самовольство. Такъ и сдѣлалось.

Но тутъ еще у нихъ залегла тяжкая дума на душу: кто будетъ военачальникомъ надъ войскомъ? А это дѣло требовало са-

[illegible], опытности и ума. И тутъ Мининъ напомнилъ имъ, что онъ знаетъ одного изъ почтеннѣйшихъ князей земли Русскія — это былъ князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій, живущій недалеко отъ Костромы въ своемъ помѣстьи. Депутація, подъ начальствомъ Минина, рѣшилась отправиться къ князю съ прошеніемъ отъ лица земли Русскія занять мѣсто военачальника и спасителя отечества.

Свѣтило дня еще не показывалось изъ-за горизонта, какъ десять троекъ неслись далеко уже отъ Нижняго по костромской дорогѣ; снѣгъ визжалъ подъ подрѣзами саней; лошади храпѣли и били снѣгъ, который брызгами летѣлъ въ разныя стороны.

Было одиннадцать часовъ вечера. Изъ терема князя Пожарскаго изъ оконъ его опочивальни, свѣтился огонекъ. Здѣсь, при свѣтѣ лампъ предъ святыми иконами, лежалъ на постелѣ подъ богатыми шелковыми занавѣсками князь Пожарскій, удручаемый болѣзнью. Въ изголовьяхъ сидѣла

его прелестная и нѣжная супруга Анастасія: она съ робостію глядѣла въ глаза своему мужу, замѣчала малѣйшія его движенія, и по временамъ котились по алымъ, нѣжнымъ щечкамъ ея перловыя слезы... да, она любила страстно своего супруга. Въ ногахъ ложа княжескаго занималъ мѣсто, сидя на бархатномъ табуретѣ, его домовый докторъ, природный Нѣмецъ, солидной и вмѣстѣ мрачной физіономіей; онъ былъ погруженъ въ какую-то думу. Поодаль, противъ постели князя, занималъ кресла почтенныхъ лѣтъ бояринъ Громынинъ, который, отъ нечего дѣлать, часто находилъ удовольствіе въ веществѣ, заключенномъ въ золотой табакеркѣ, осыпанной каменьями.

Все безмолвствовало и мечты имѣли полную свободу окрилять головы присутствующихъ. Одинъ лишь секундный бой часовъ пользовался правомъ нарушать тишину эту. Наконецъ князь немного приподнялся съ изголовья и подалъ знакъ Анастасіи подать ему питье. Анастасія не замедлила исполнить приказаніе своего друга и тотчасъ поднесла ему въ золотой стопкѣ питье, въ которое докторъ влилъ нѣсколько какихъ-то капель.

— Да, Францъ Карловичъ, какъ бы я

былъ тобою обязанъ, еслибъ ты меня скорѣе поднялъ съ этого скучнаго одра: право, онъ мнѣ въ продолженіе шестинедѣльнаго лежанья очень наскучилъ, сказалъ князь доктору, выпивъ стопку.

— Богъ милостивъ, князь: надѣюсь, что скоро все пройдетъ, и ты будешь соколомъ летать, отвѣчалъ улыбнувшись съ увѣренностью, докторъ.

— Да, да, продолжалъ князь, и мнѣ какъ-бы нужно было въ теперешнее время полетать и соколомъ, и ястребомъ, чтобъ истребить залетныхъ птицъ; не правда-ли бояринъ? прибавилъ князь, оборотясь къ Громынѣ.

— Правда твоя, князь: давно-бъ имъ пора опомниться, да видно Богу такъ угодно; видишь, какъ на то стало и ты прихворалъ, да и не слишкомъ-то скоро оправляешься..

Князь, какъ будто не разслушавъ словъ боярина, продолжалъ: — да, я показывалъ-ли тебѣ послѣднее письмо изъ Москвы отъ королевича Владислава?

— Не слыхалъ, князь, а желалъ-бы послушать, что пишетъ къ тебѣ этотъ льстецъ, злобно улыбнувшись, сказалъ бояринъ.

— Милый другъ мой, Анастасія, подай мнѣ вонъ тотъ ларчикъ, сказалъ князь, оборотясь съ своей супругѣ и указывая на письменный столикъ.

Анастасія исполнила просьбу своего супруга, и ларецъ былъ уже въ рукахъ у князя.

— Вотъ письмо Владислава, сказалъ князь, подавая его бояриму Громынѣ. Прочти-ка его.

Бояринъ взялъ письмо изъ рукъ князя Пожарскаго и началъ читать вслухъ.

«Достойнѣйшій и почтеннѣйшій князь Дмитрій Михайловичъ!

«Душевно сожалѣя о потерѣ твоего здоровья, я не утерпѣлъ, чтобъ не написать къ тебѣ. Положеніе твоего отечества, а можетъ быть и моего, день ото дня становится хуже. Безначаліе и грабежъ усиливаются, бояре московскіе не могутъ уже болѣе унять ихъ, и верховный совѣтъ погруженъ въ думу, что предпринять въ этомъ случаѣ. Прискорбно сердцу русскому безъ законнаго наслѣдника, и теперь только зависитъ отъ тебя, мой добрый князь, рѣшить участь земли русской. Подумай, ка-

ково безъ правителя государство?... Жребій верховнаго совѣта палъ на меня, хотя-бы я этого и не желалъ... но, впрочемъ, любя землю Русскую, я хотя и соглашаюсь, но еще не совсѣмъ,—жду только отъ тебя согласія; ждутъ и бояре и верховный совѣтъ; только не замедли, князь, отвѣтомъ. Когда буду царемъ русскимъ, не забуду твоей любви, которой только и ищу. Но, Іезусъ Марія, подкрѣпи меня только на престолѣ русскомъ!»

„Прости, мой добрый и почтенный князь;
„я стану ждать отъ себя скораго отвѣта
„съ прездравленіемъ меня......"
„Навсегда преданный тебѣ
Королевичъ Владиславъ.»

„Москва".
1612-го года, октября въ 18-й день.»

— Можно же его поздравить теперь государемъ земли Русской? проговорилъ, горько улыбнувшись, Бояринъ Громыка, свертывая письмо.

— Я его поздравляю сладкими и вкусными черными орѣшками, иронически улыбаясь, проговорилъ князь... эй, соколъ, не на свое дѣло, а на чужое, не берись! Охъ болѣзнь меня только сокрушила, а то.....

Вдругъ послышался сильный шумъ и звонъ колокольчиковъ на улицѣ. Князь не успѣлъ договорить послѣднихъ словъ, какъ вошелъ въ его почивальню приближенный витязь, докладывая о прибытіи изъ Нижниго-Новгорода депутаціи отъ отечества. Князь вздрогнулъ, и холодный потъ обдалъ все чело его, сердце сильно забилось; князь молчалъ и только мановеніемъ руки далъ знакъ, чтобы они вошли. Князь привсталъ. Отворились двери опочивальни его, и Мининъ съ гражданами Нижняго-Новгорода предсталъ предъ Пожарскимъ.

— Прости нашей дерзости, что мы осмѣлились предстать предъ свѣтлое лицо твое; на голосъ отечества мы собрались къ тебѣ,—да будешь ты нашимъ руководителемъ и помощникомъ въ дѣлѣ спасенія отечества отъ злыхъ Ляховъ. Москва взята и теперь страждетъ и гибнетъ отъ своеволія польскаго. И можетъ за сердце русское вынести такой тяжкій ударъ сердцу?.. Иль мы не Русскіе? или не кипитъ и не льется въ жилахъ нашихъ кровь дѣдовъ и прадѣдовъ нашихъ..? Князь, рыдая, говорилъ Мининъ: будь спасителемъ нашимъ, спасителемъ отечества—утиши эту грозную и гибельную бурю... тебѣ вопіетъ само оте-

чество, и мы представители его! Все, что только имѣемъ, все отдаемъ на защиту нашей любезной отчизны... жертвуемъ женами, дѣтьми нашими и жизнію,—будь вождемъ нашимъ; самъ Богъ избираетъ тебя! Не отрекись отъ дѣла спасенія, дай руку, пойдемъ, защитимъ и побѣдимъ!

Мининъ взялъ за руку князя Пожарскаго, и онъ какъ будто встрепенулся, и чудеса Провидѣнія, пекшагося о землѣ Русской, воскресили Пожарскаго отъ тяжкаго недуга, и онъ сталъ попрежнему твердый и бодрый богатырь русскій. Сердце его закипѣло мщеніемъ на враговъ отечества, и Пожарскій надѣваетъ на себя стальную броню и шлемъ, опоясывается мечемъ, слезы льются изъ огненныхъ глазъ его; онъ прощается съ подругою жизни своей, съ милою Анастасіею, которая повисла на шеѣ героя побѣдоносца. Она алыми, розовыми устами впилась въ геройскіе уста Пожарскаго,—и эти пламенные поцѣлуи заключили собою разлуку нѣжно-любящихъ супруговъ.

Да, кто любилъ впервые въ жизни, въ этихъ розовыхъ лѣтахъ своей юности, тотъ только можетъ яркими красками вооб-

раженія обрисовать картину разлуки съ милой сердцу, съ идеаломъ души, которая есть тоже блаженство, тоже счастіе, данное отъ Творца и Зиждителя для облегченія участи страдальческой жизни... Не могу ли я перомъ выразить это недостижимо-великое чувство? Могу ли описать его жгучую, подобно вулкану, кипучую силу души? О нѣтъ!... я бросаю перо, которымъ описываю это плачевное и важное событіе нашего отечества, и оставляю на произволъ того, кто понимаетъ это безотчетное чувство!...

Ретивый конь ржалъ и копытами рылъ снѣгъ,—онъ какъ-будто дышалъ мщеніемъ на враговъ отечества. Стремянный княжескій держалъ за узды его, подводя къ крыльцу, и на него-то налетѣлъ герой нашъ.

Онъ еще разъ обнялъ Анастасію, напечатлѣлъ огненный, прощальный поцѣлуй на алыхъ щекахъ ея, ударилъ стременемъ— и борзый конь помчалъ героя-Пожарскаго на славу и спасеніе отечества! И Анастасія долго провожала взорами своего милаго друга. Молитва къ Спасителю дрожала на устахъ ея.... Десять троекъ помчались вслѣдъ за Пожарскимъ.

Москва, не унывай!.. спаситель избавитъ тебя отъ ига варварскаго—онъ не далеко отъ тебя!

— Что такое—зовутъ счастіемъ царя? То ли это счастіе, чтобъ быть богатымъ и сильнымъ? А кто же даетъ это богатство и силу? Я постигаю теперь эти важные факты—это любовь народа къ царю и царя къ народу. Не такъ ли Юрій, такъ говорилъ королевичъ Владиславъ своему любимцу, губернатору Сендомирскому, Юрію Мнишекъ, расхаживаясь мѣрными шагами по пріемной комнатѣ кремлевскаго дворца (*).

— Правда твоя, государь: любовь народная выше и дороже всѣхъ драгоцѣнностей, и счастливъ тотъ государь, который сыскалъ ее у народа, отвѣчалъ Юрій Мнишекъ.

(*) Владиславъ, по исторіи, никогда не жилъ въ кремлевскомъ дворцѣ равно какъ не былъ въ Москвѣ вовсе. Представленное здѣсь пребываніе его въ Кремлѣ читатели пусть принимаютъ за поэтическій вымыселъ, употребленный часто въ историческихъ романахъ.

— Да, Юрій я согласенъ съ тобою и потому могу ли надѣяться получить корону царства Русскаго? Русскіе привыкли изстари чтить и любить своихъ царей: а я не русской крови, и очень легко можетъ статься, что не захотятъ имѣть меня своимъ царемъ; но что мнѣ за дѣло до ихъ воли— московскіе бояре уже согласны избрать меня своимъ государемъ, и одно только, какъ бѣльмо на глазу, этотъ князь Пожарскій...

— Пожарскій, государь! задумавшись, сказалъ Юрій; я знаю его давно,—и сердце его и характеръ—словомъ, всѣ склонности... да, вѣрный патріотъ и слуга царству Русскому...

— Замолчи, Юрій... я не боюсь Пожарскаго; мнѣ нужна сила—и я найду ее у отца моего.... понимаешь! Гонецъ еще вчера посланъ въ Варшаву о пересылкѣ сорокатысячнаго корпуса. Тогда посмотримъ, какъ потягается со мною этотъ, по словамъ твоимъ, патріотъ.... Если же не такъ, то я силою возьму корону царства Русскаго, и тогда Пожарскій князь страшись моего мщенія!...

Владиславъ замолчалъ и будто погрузился въ думу, а любимецъ его, сидя въ креслахъ, потиралъ лобъ свой.

— Да, кстати, мнѣ пришло на память, какъ будто очнувшись отъ дремоты, сказалъ королевичъ,—не знаешь ли ты, Юрій: говорятъ съ достовѣрностью, что вотъ законный наслѣдникъ на царство Русское, и кто же бы ты думалъ? Бояринъ Романовъ, сынъ того Романова, котораго отецъ мой, вмѣстѣ съ патріархомъ рускимъ Гермогеномъ, томитъ уже нѣсколько мѣсяцевъ въ темницѣ и насильно заставилъ его принять постриженіе въ иноческій санъ. И вотъ теперь для меня важная препона въ его сынѣ, Михаилѣ Романовѣ... Слушай, Юрій: я хочу прибѣгнуть къ рѣшительному средству: корона Царства Русскаго слѣпитъ глаза мои, и я хочу.... пэгубить Михаила Романова; ты же помоги мнѣ, я надѣюсь на тебя, узнай повѣрнѣе, гдѣ живетъ Романовъ, я слышалъ недавно что его скрываютъ отъ ушей и глазъ моихъ. Слышишь, поразвѣдай, Юрій, и завтра дай мнѣ знать; надѣйся крѣпко,—я не забуду твоей важной для меня услуги—прощай до завтра.... у меня есть нужныя письма, спѣшу читать ихъ.

И, сказавъ эти слова, королевичъ скоро удалился изъ пріемной комнаты кремлевскаго дворца, оставя Юрія Мнишекъ въ нерѣшительномъ положеніи.

— Не забудешь услугу, проворчалъ тихо Юрій, вставая съ креселъ; я этому вѣрю, да трудно отыскать эту, еще не оперившуюся, птичку. Изволь, пожалуй, какова миссія! Гдѣ мнѣ искать? мнѣ и безъ порученій грустно и тяжко на сердцѣ... Я обманутъ, обезчещенъ, лишенъ моей дочери Марины; и все черезъ кого же?... о, Iезусъ Марія продолжавъ Юрій, черезъ отшельника бѣглеца, самозванца, разбойника; вотъ и въ правду сказать, какъ говаривали наши старики: *сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро*, такъ и я, на старости лѣтъ, взбѣсился; и повѣрилъ словамъ обольстительнымъ...

Онъ не договорилъ остальнаго, какъ сзади его послышался скрипъ двери. Юрій обернулся, и Людвигъ, секретарь королевича, стоялъ предъ нимъ.

— Ба, пане Хорвицкій, что новаго?.. какъ наши дѣла?.. оторопѣвши, въ несвязныхъ словахъ, говорилъ Юрій Мнишекъ...

Королевичъ занятъ, теперь ему не время—до завтра...

— Юрій Адольфовичъ! дѣло важное, —

нужно видѣть теперь же королевича, для его счастія и блага, отвѣчалъ панъ Хорвицкій. Неожиданный случай представилъ мнѣ узнать, гдѣ живетъ наслѣдникъ Царства Русскаго...

— Романовъ, въ восторгѣ вскричалъ Юрій, не давъ договорить словъ Хорвицкому. Любезный другъ! мы сейчасъ только что говорили объ этомъ съ королевичемъ, и онъ меня проситъ развѣдать объ этомъ и завтра донести, почему то я былъ погруженъ въ безвѣстную думу. Она мучила меня, и вотъ какое неожиданное счастіе! о, пане Хорвицкій, какую же радость доставилъ ты мнѣ, обнимая его, говорилъ Юрій.

— Да, Юрій Адольфовичъ, само счастіе, кажется, хочетъ благопріятствовать нашему королевичу. Случай неожиданный столкнулъ меня вчера съ однимъ русскимъ крестьяниномъ — онъ передается душою и сердцемъ королевичу и хочетъ теперь же видѣть его и объявить о мѣстѣ, гдѣ живетъ Михаилъ Романовъ; онъ теперь здѣсь во дворцѣ, и я привелъ его!...

— Онъ здѣсь! сказалъ въ восторгѣ Юрій

Мнишекъ,—погоди же минуту здѣсь, пане Корвицкій, а я пойду объявлю объ этой счастливой находкѣ королевичу, не смотри на то, что хотя онъ и занятъ....

Юрій вышелъ, а секретарь между прочимъ сталъ расхаживаться по комнатѣ.

— Государь! чего желалъ ты, то и исполнится вскорѣ, такъ говорилъ Юрій Мнишекъ, войдя въ кабинетъ королевича Владислава: русскій крестьянинъ, преданный тебѣ душою, хочетъ видѣться съ тобою и объявить мѣсто жительство Михаила Романова...

— Ты смущаешь меня, Юрій... ты помѣшалъ мнѣ... Что такое сказалъ ты о *Романовѣ*—я не понялъ тебя... оторопѣвши, проговорилъ королевичъ Владиславъ, вставая съ креселъ...

— Ты не понялъ меня государь, снова сказалъ важнымъ голосомъ Юрій; такъ знай же теперь: о чемъ меня просилъ, то исполнилось,—сейчасъ пришелъ твой секретарь, панъ Корвицкій, съ докладомъ о мѣстѣ пребыванія того, котораго ты считаешь себѣ соперникомъ—это бояринъ Романовъ; объ немъ-то и дѣло. Молодой крестьянинъ, русскій, скажетъ объ этомъ лучше.

— Ты шутишь, Юрій, ужели это правда? сказалъ нетерпѣливо королевичъ. Позови ко мнѣ секретаря, прибавилъ онъ повелительнымъ голосомъ.

Юрій вышелъ изъ кабинета королевича и, отворивъ дверь пріемной комнаты, далъ знакъ Хорвицкому наклоненіемъ руки чтобъ онъ слѣдовалъ за нимъ, и тотъ не медля пошелъ. Прошедши нѣсколько богато убранныхъ комнатъ, они вошли въ кабинетъ королевича.

— Правда ли то, что я слышалъ отъ него? такъ сказалъ королевичъ, указывая на Юрія Мнишекъ. Скажи мнѣ, я сомнѣваюсь, — не шпіонъ ли переодѣтый въ крестьянское рубище и присланный, можетъ быть отъ Пожарскаго... ты вѣрно ли знаешь его, Хорвицкій?

— Государь! кому же знать вѣрнѣе, какъ не мнѣ; и если могъ быть счастливъ на услугѣ моего государя и благодѣтеля, такъ не я! торжествующимъ тономъ проговорилъ панъ Хорвицкій.

— А гдѣ-жъ этотъ крестьянинъ? возразилъ королевичъ; я хочу видѣть его и самъ говорить съ нимъ.

— Если помните, государь, то теперь не представилось [illegible] дожидается меня въ воротахъ [illegible] дворца, отвѣчалъ съ низкимъ поклономъ секретарь его, панъ Хорвацкій. Государь! прибавилъ онъ, [illegible] болѣе, какъ не мнѣ; вѣдь голодъ [illegible] и тысячи вашихъ собратій гибнутъ [illegible] наго пропитанія: да уже и русскимъ [illegible] и рейтарамъ недостаточно [illegible] нію; хотя много у насъ и золотыхъ, [illegible] ба нѣтъ; а поди по селамъ да тронь хоть загорѣлую русскую корку, такая русская дубина лихо походитъ по [illegible] спинамъ, да и голову расшибетъ на черепочки!.. Государь! вѣдь Русскіе шутить не любятъ, а не то...

— А не то, топнувъ [illegible] закричалъ королевичъ, — убирайся скорѣе вонъ, пока [illegible] глупую [illegible] русскій [illegible] ты [illegible] — [illegible] приведено [illegible], — ну же, живѣй!

— Слушаю, государь, [illegible] почтительной [illegible], робко и почти сквозь зубы, проговорилъ панъ Хорвацкій

и поспѣшно вышелъ изъ кабинета королевича.

— Какъ бы ты думалъ, [illegible], объ этомъ? [illegible] слова, какія [illegible] [illegible], [illegible] убѣжденныя для [illegible] [illegible]. Я прежде не вѣрилъ этому; но [illegible] [illegible], [illegible] человѣку, всегда [illegible] преданному мнѣ душою, я теперь [illegible]... О, зачѣмъ онъ [illegible] произнесть мнѣ эту горькую истину — мнѣ бы [illegible] [illegible] на душѣ, когда бы я не [illegible] изъ [illegible] устъ [illegible]; но скоро ли [illegible] эта [illegible] минута? Тогда бы и [illegible] [illegible] съ Русскими душа въ душу, тогда бы все это кончилось и...

Дверь кабинета отворилась, и секретарь королевича ввелъ съ собою молодаго, [illegible] наружности, крестьянина; хотя [illegible] [illegible] бѣдность, но на лицѣ его отражалась какая то смертельная блѣдность, въ глазахъ горѣлъ огонь злобы, губы, [illegible] [illegible], [illegible] какую-то [illegible] мысль, [illegible] не [illegible] изъ [illegible] души [illegible] [illegible] отечеству своему...

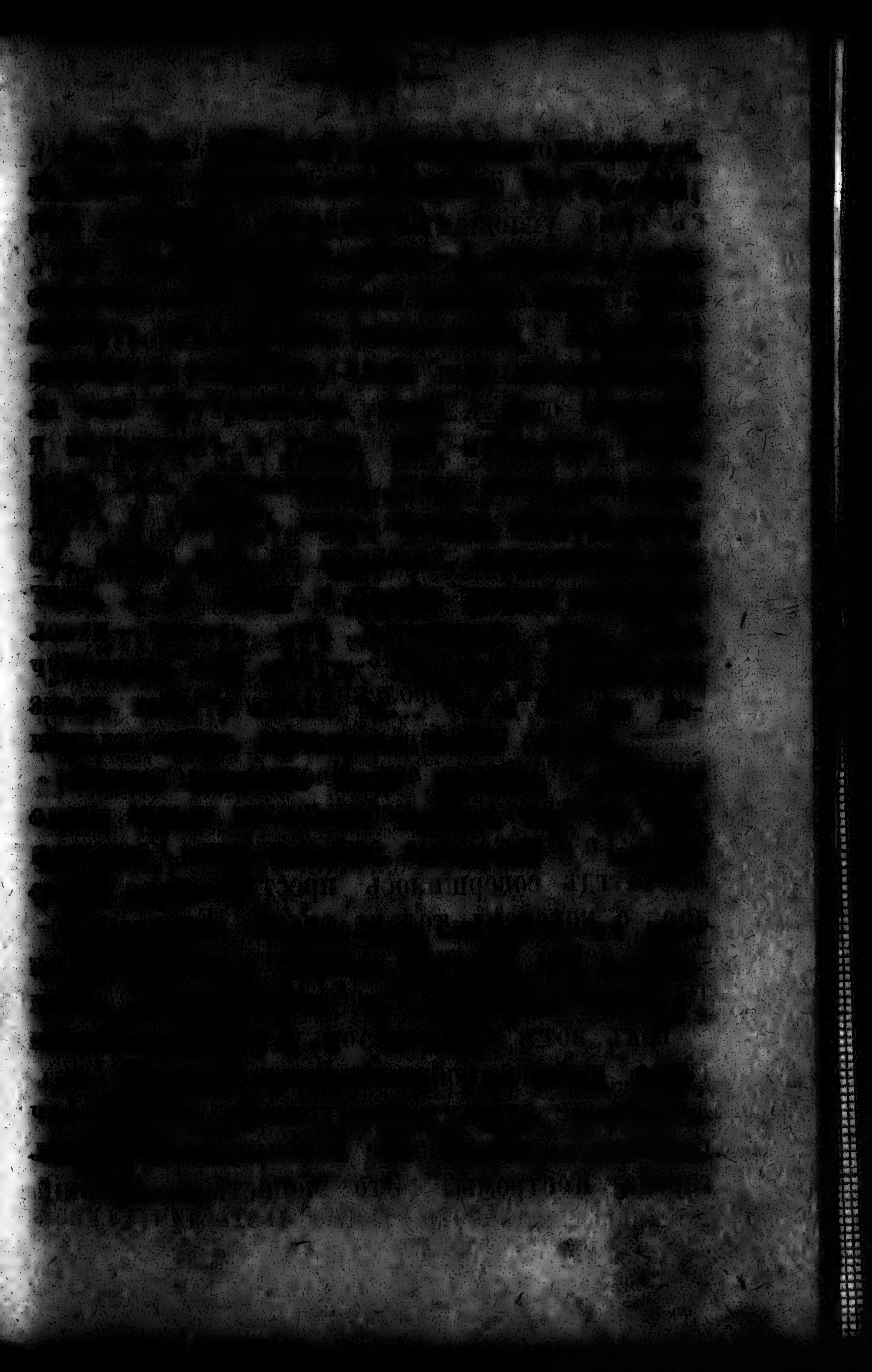
[illegible], раскаяніе послѣ преступленія [illegible]-

но, и душа преступника дрожитъ подобно древесному листу, взвѣваемому тихимъ вѣтеркомъ. Таково уреканіе совѣсти—это кара Господня и сила Его безвозмезднаго правосудія.—страшно впасть въ руки Судьи и подвергнуться Его гнѣву!.. Тяжко и топно душѣ отдаляться отъ своего первообраза, а это отдаленіе есть забвеніе Бога, Его закона—потому преступленіе.

Въ такомъ-то положеніи былъ и этотъ молодой крестьянинъ Иванъ; это онъ былъ — о которомъ вы уже знаете, почтенные мои читатели и читательницы, это онъ, тотъ же страстный и тотъ же попрежнему любящій милую дѣвушку, Марію Сусанину.

При входѣ Ивана въ кабинетъ королевича Владислава, какая-то трепетная, жгучая дрожь обдала все тѣло его, онъ зашатался и скоро прислонился къ мраморному камину.

Свѣтлая, эта безотчетная, врожденная въ насъ мысль любви къ отечеству къ всему родному, ярко блеснула въ душѣ его и вдругъ снова скатилась въ бездну злобы ожесточенной души, какъ въ прекрасный вечеръ катятся ясныя звѣзды по голубому небу въ воздушной громадѣ...

но, и душа преступника дрожитъ подобно древесному листу, взвѣваемому тихимъ вѣтеркомъ. Таково урѣканіе совѣсти—это кара Господня и сила Его безвозмезднаго правосудія:—страшно впасть въ руки Судьи и подвергнуться Его гнѣву!.. Тяжко и тошно душѣ отдаляться отъ своего первообраза, а это отдаленіе есть забвеніе Бога, Его закона—потому преступленіе.

Въ такомъ-то положеніи былъ и этотъ молодой крестьянинъ Иванъ; это онъ былъ—о которомъ вы уже знаете, почтенные мои читатели и читательницы, это онъ, тотъ же страстный и тотъ же попрежнему любящій милую дѣвушку, Марію Сусанину.

При входѣ Ивана въ кабинетъ королевича Владислава, какая-то трепетная, жгучая дрожь обдала все тѣло его, онъ зашатался и скоро прислонился къ мраморному камину.

Свѣтлая, эта безотчетная, врожденная въ насъ мысль любви къ отечеству къ всему родному, ярко блеснула въ душѣ его и вдругъ снова скатилась въ бездну злобы ожесточенной души, какъ въ прекрасный вечеръ катятся ясныя звѣзды по голубому небу въ воздушной громадѣ...

— Такъ это онъ! пристально взглянувъ на Ивана, сказалъ королевичъ. Ты Русскій, мой любезный, или нѣтъ?

— Да, я русской крови и вѣры—я ожесточенъ моею родиною и теперь хочу прибѣгнуть къ твоимъ милостямъ, государь: мщеніе и злоба—о, злоба ада воспламенила всю внутренность мою!.. Да, государь я несчастенъ и чрезъ это несчастіе потерялъ весь патріотизмъ души моей; она страдаетъ и гибнетъ подъ ярмомъ тяжкой скорби, видно мнѣ не придется возвратить потери, и по этому я прошу только твоей милости—помочь мнѣ исторгнуть изъ рукъ чудовищъ мою милую. Государь! еслибъ ты зналъ какъ я люблю ее... тогда бы ты повѣрилъ всѣмъ мученіямъ моего сердца.

Иванъ закрылъ лицо руками; крупныя слезы текли по алымъ щекамъ его; да, онъ плакалъ, какъ плачетъ малютка о матери своей родимой!

Королевичъ Владиславъ смотрѣлъ на этого несчастнаго, убитаго судьбой, съ сердечнымъ состраданіемъ; онъ подошелъ къ нему, взялъ его за руку и сказалъ:

— Молодой поселянинъ! мнѣ жаль тебя, что судьба, въ этихъ цвѣтущихъ, розовыхъ лѣтахъ юности, тебѣ не благопріятствуетъ

но объ этомъ поговоримъ послѣ, и клянусь тебѣ, что я составлю твое счастіе, только съ тѣмъ условіемъ, когда ты объявишь мнѣ мѣсто, гдѣ живетъ Михаилъ Романовъ. Вотъ этотъ кошелекъ возьми себѣ, онъ тебѣ пригодится — въ немъ золота довольно, и королевичъ, вынулъ изъ камзола своего кошелекъ, отдалъ Ивану.

— Государь, мнѣ деньги не нужны, а нужно одно только мщеніе: месть и злоба не требуетъ золота, имъ нужна сила, которой я и прошу у тебя, говорилъ съ изступленною злобою Иванъ.

— Такъ ты знаешь, гдѣ живетъ Романовъ? спросилъ королевичъ у Ивана.

— Знаю, государь; я самъ оттуда: онъ живетъ не далеко отъ Москвы. Кострому отсюда считаютъ съ небольшимъ триста поприщъ; а ближе сюда есть городокъ *Угличъ* — мѣсто гдѣ совершилось преступленіе ужасное, о которомъ только судитъ Богъ, и которое легло на душу Годунова: вѣдаю что ты знаешь, государь, объ этомъ дѣлѣ.

Такъ вотъ недалеко отъ Углича есть богатое имѣніе боярина Романова, но онъ живетъ не здѣсь, а въ монастырѣ Ипатьевскомъ, находящемся очень близко отъ города Костромы. Это монастырь древній

и богатѣйшій; онъ построенъ около трехъ сотъ лѣтъ отъ нашего времени, какъ я слыхалъ это отъ стариковъ, какимъ-то татарскимъ княземъ, по имени *Четомъ*. Онъ стоитъ на правомъ берегу рѣки Волги, этой обширной въ нашемъ царствѣ рѣки на горѣ и въ немъ то живетъ и поживаетъ молодой бояринъ Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ съ своею родимою. Ежели прикажешь такъ доведу, только не забудь моей просьбы...

— Благодарю тебя поселянинъ, ты оказалъ мнѣ такую услугу, которой я никогда не забуду, сказалъ королевичъ Владиславъ. Хорвицкій! выдай ему теперь же изъ моей казны двѣсти червонныхъ, и отправить завтрашній день съ нимъ двѣнадцать человѣкъ изъ моей гвардіи. подъ секретнымъ прикрытіемъ къ Ипатьевскому монастырю, а еще бы лучше было—нынѣшнею ночью. Какое приказаніе будетъ моимъ служивымъ, то уже, когда прозвучитъ на Спасской башнѣ двѣнадцать часовъ, чтобъ они были здѣсь во дворцѣ, совсѣмъ готовыми къ дорогѣ, а этого удержи у себя... ступайте, ты Хорвицкій исполняй свое дѣло безъ замедленія за твою службу я награжу тебя.

Было уже девять часовъ вечера, какъ Иванъ, предатель своего отечества, вышелъ

изъ палатъ кремлевскихъ вмѣстѣ съ паномъ Хорвицкимъ.

— Какое счастіе, какая радость для меня... неправда ли, Юрій? такъ говорилъ Владиславъ, садясь въ кресла, по уходѣ предателя.

— Кому же радоваться какъ не тебѣ, государь! Ты искалъ счастія, а счастіе само гоняется за тобою, отвѣчалъ Юрій важнымъ тономъ. Видно тебѣ суждено быть на престолѣ Русскомъ и на тебя, видно, возложится корона царская.

— Этого-то и желала душа моя; когда не будетъ Романова, то, безъ всякаго сомнѣнія. Пожарскій не станетъ препятствовать моему вступленію и не попрекословить въ верховномъ совѣтѣ... Я это предугадываю... неправда ли Юрій.

— Согласенъ, государь, отвѣчалъ Юрій такимъ же тономъ, но вотъ еще въ чемъ дѣло: ты католикъ, а на престолѣ русскомъ были, кажется, князья и цари греческаго исповѣданія, но тутъ предвидится, какъ я думаю, затрудненіе къ избранію тебя, государь: развѣ ты согласишься перемѣнять законъ нашъ?..

— А что за бѣда, прервалъ слова Юрія, сказалъ Владиславъ, если я буду и католикомъ на престолѣ русскомъ?... и какое мнѣ дѣло, если мои подданные будутъ не одинаковаго со мною закона!

— Нѣтъ, этого не возможно и допустить по общимъ законоположеніямъ всѣхъ политическихъ державъ, нѣтъ это не справедливо государь, отвѣчалъ Юрій Мнишекъ. Когда ты не согласишься принять вѣру Греко-Россійскую, то и начинаю сомнѣваться за тебя, государь въ избраніи...

Владиславъ не слыхалъ этихъ словъ, сказанныхъ Юріемъ: онъ погрузился въ какую-то мрачную думу.

— Но впрочемъ, сказалъ королевичъ, послѣ смутнаго размышленія, я тогда улажу какъ нибудь это дѣло: лишь бы избавиться мнѣ отъ Романова, тогда я насильно заступлю его мѣсто.

— Это въ твоей волѣ, государь; но Пожарскій... продолжалъ Юрій, говоря сквозь зубы.

— Что мнѣ до Пожарскаго: я его не слишкомъ опасаюсь — не ему тягаться со мной: я ему покажу тогда, какъ учать невѣждъ, если онъ осмѣлится хотя слово ни-

кнуть противъ меня въ верховномъ совѣтѣ, вспыльчиво говорилъ королевичъ.

— Одному противъ десятерыхъ трудно тягаться, государь; а впрочемъ, ты болѣе знаешь и имѣешь болѣе къ исполненію средствъ, говорилъ Юрій, выходя.

— До свиданія, государь, проговорилъ онъ, и, отвѣся нѣсколько поклоновъ, вышелъ.

Королевичъ по прежнему сѣлъ за письменный столикъ и началъ писать какія то бумаги. Прошло нѣсколько времени, на Спасской башнѣ пробило двѣнадцать часовъ. Владиславъ тотчасъ всталъ и началъ молча расхаживаться по кабинету. Вдругъ скрипнула дверь. Владиславъ вздрогнулъ—какой то холодъ пробѣжалъ по всему его тѣлу; онъ устремилъ недовѣрчивый взоръ на дверь: квадратная маленькая фигура, съ блестящими глазами, показалась въ ней,—это былъ секретарь Владислава, панъ Хорвицкій.

— Я въ точности исполнилъ, государь, ваше приказаніе, сказалъ, вытянувшись прямо, хриповатымъ голосомъ, панъ Хорвицкій.

— Они здѣсь?.. дрожащимъ голосомъ проговорилъ Владиславъ.

— Здѣсь, государь, и ожидаютъ твоего повелѣнія, отвѣчалъ панъ Хорвицкій.

— Хорошо: скажи, чтобъ безъ всякаго шума вошли въ пріемную; я сейчасъ выйду къ нимъ.

— Слушаю, государь, низко поклонившись, проговорилъ Хорвицкій, и скоро пошелъ къ двери; но, къ несчастію, сдѣлалъ неправильный шагъ, и толстая нога его зацѣпилась за рѣшетку камина, и нашъ панъ, потерявъ равновѣсіе, растянулся по паркету, ударясь лбомъ объ конецъ полурастворенной двери.

Оханье и стоны заставили обратиться королевича, которому представилось зрѣлище преинтересное: его секретарь лежалъ на полу, издавая жалобные стоны, а правой рукой потиралъ себѣ лобъ.

Королевичъ, какъ ни былъ мраченъ, но видя критическое положеніе своего секретаря, расхохотался.

— Ну, панъ Хорвицкій, знать не быть толку; видишь ли какое начало... ха, ха, ха, смѣясь, говорилъ королевичъ.

— Да, государь, вамъ хорошо смѣяться надо мной, а мнѣ, право, не до смѣху. Проклятая рѣшетка вотъ эта пошутила надо мной, и я лихо поцѣловалъ лбомъ дверь,— чтобъ ей пропасть пропадомъ – теперь такъ и трещитъ голова отъ ея чертовскаго поцѣлуя, вставая съ паркета, мычалъ Хорвицкій, и кой какъ вывалился изъ кабинета королевича, который помиралъ со смѣху надъ бѣднымъ паномъ.

По выходѣ Хорвицкаго, Владиславъ подошелъ къ шкатулкѣ, вынулъ изъ нея кинжалъ, помазалъ изъ склянки ядомъ, и тогчасъ опустилъ въ ножны. Закрывши шкатулку, онъ спряталъ подъ камзолъ и скоро вышелъ изъ кабинета въ пріемную комнату; здѣсь дожидалась его отчаянная ватага. Иванъ стоялъ поодаль; взоръ его былъ дикъ и онъ безпрестанно озирался.

Таковъ страхъ совѣсти у преступниковъ закона отечественнаго! Вошелъ королевичъ — и всѣ приняли видъ почтенія и уваженія.

— Ну, ребята, я знаю вашу храбрость и неустрашимость, такъ началъ королевичъ, оборотясь къ стоявшимъ въ строю польскимъ гвардейцамъ—послужите мнѣ и я не забуду васъ. Вотъ этотъ молодецъ по-

кажетъ вамъ дорогу, куда нужно теперь идти вамъ, и вы должны исполнить свое дѣло—умертвить, по волѣ моей, живущаго въ монастырѣ Ипатьевскомъ боярина Михаила Романова и его мать... Въ монастырѣ же и палатахъ Романова вы все найдете для себя нужное: и пищу и злато, и разныя драгоцѣнности. Окончивъ это дѣло, сожгите до основанія Ипатьевскій монастырь и близь его лежащее село Ипатьево; только сперва побывайте въ гостяхъ у тамошняго крестьянина Ивана Сусанина и силою исторгните изъ рукъ его внуку, по имени Марію, и отдайте ее вотъ вашему путеводителю—она его невѣста, его милая. Эту тайну я ввѣряю вамъ, въ полной надеждѣ сохранить ее свято. Вотъ орудіе, продолжалъ королевичъ, вынувъ изъ подъ камзола кинжалъ и отдалъ его одному изъ гвардейцевъ, по имени Эгмонду, отлетному удальцу. Оно напитано ядомъ и ты Эгмондъ, мой храбрый слуга или кто первый успѣетъ изъ васъ напитайте имъ кровь Михаила и его матери, а вдобавокъ еще смѣшайте съ кровью этого старика Сусанина. Въ Ипатьевскій монастырь, не зная тайныхъ входовъ, пройти невозможно — и вотъ, преданный мнѣ, этотъ молодой крестьянинъ проведетъ васъ; только не ро-

бѣйте, ребята, и крѣпко положитесь на него. Вашу услугу я никогда не забуду... это вы сдѣлаете для блага вашего государя и васъ самихъ...

Королевичъ смолкъ, и, восторженные привѣтомъ своего государя, воины польскіе дали смертную клятву — въ нужномъ случаѣ даже не щадить своей жизни и исполнить, во чтобы то ни стало, злодѣйское намѣреніе изверга, чужеземнаго пришлеца.

— Ну, теперь идите на дѣло, прибавилъ королевичъ, вынувъ кошелекъ изъ кармана — вотъ вамъ на дорогу... онъ бросилъ кошелекъ и звонъ золота заглушилъ ихъ совѣсть.

Ударилъ часъ полуночи на Спасскихъ воротахъ и гулъ его разнесся въ тишинѣ полуночной.

Они вышли поспѣшно изъ дворца, направивъ путь на костромскую дорогу; измѣнникъ Иванъ указывалъ путь для гибели своего отечества!

По выходѣ этихъ злодѣевъ, королевичъ легъ въ постель, и мечты о гибели Романова и объ избраніи его на царство Русское не давали ему наслаждаться сладостнымъ сномъ.

И можетъ ли злодѣйская душа имѣть покой? Безпечный и тихій сонъ услаждаетъ только души непорочныхъ и добрыхъ!

Была ночь бурная, осенняя. Дождь и снѣгъ смѣшивались дружно между собой и щедро летѣли съ мрачнаго неба. За пять верстъ отъ страждущей столицы русской, тянулись длинными рядами воины русскіе и, спустя часъ времени, они расположились на бивуакахъ близъ Москвы и развели огни.

Князь Пожарскій распорядился войскомъ защитниковъ угнетеннаго отечества отъ ига иноплеменнаго и, устроивши все, онъ, измокшій и прозябшій, вошелъ въ палатку приготовленную для князей и бояръ.

— Ужъ дается же намъ этотъ походъ, сказалъ князь Пожарскій, входя въ палатку и снимая свой шлемъ и измокшій плащъ. Что за погода!.. давно не запомню такой — мой конь не разъ спотыкался отъ такой теми и гололедицы, и я самъ измокъ почти до костей.

Правда твоя, князь, ужъ и мнѣ досталось потерпѣть отъ этого невзгодья, про-

говорилъ князь Стародубскій, усаживаясь на скамью возлѣ пылавшаго огня. Какъ бы не худо было намъ теперь напиться теплаго сбитню; хоть бы не много пособрѣться, а то, право, меня дрожь спедыма колотитъ... вотъ такъ осенняя погодушка!

— Нѣтъ, Родіонъ Петровичъ, ты видно еще не вѣдаешь, чѣмъ лѣчиться отъ стужи, сказалъ князь Бѣлозерскій, вынимая изъ за пазухи препорядочную флягу съ зеленымъ виномъ. Вотъ это лучше поможетъ твоего горячаго сбитня.

— Браво, и то дѣло! сказали, смѣясь, нѣкоторые изъ князей и бояръ, и каждый осушилъ по порядочной чаркѣ жгучаго напитка.

Дверь палатки растворилась — вошелъ Мининъ, а за нимъ нѣсколько человѣкъ воиновъ: они везли съ собою разные съѣстные припасы.

— Предлагаемое да ѣдимъ сказалъ Мининъ! врагамъ, товарищи, на зависть, а намъ — на доброе здоровье: не такъ ли, Димитрій Михайловичъ? Пословица у насъ ведется на Руси; не унывай да и себя не забывай.

— Добрая рѣчь твоя, Козьма, а меня что-то раздумье беретъ; вѣдь Москва за-

перта, и проклятые Ляхи не отворятъ намъ добровольно воротъ: придется съ ними поцелпаться не на шутку, говорилъ, сидя на скамьѣ, князь Пожарскій, опершись на палашъ.

— Вотъ о чемъ дѣло, князь!.. говорилъ Мининъ, усаживаясь также на скамью возлѣ князя Пожарскаго. Полно-ка думать: утро, говорятъ, мудренѣе вечера. Теперь попьемъ, поѣдимъ, а на утро какъ и встрепанные соколы... Не правда ли, бояринъ, говорилъ Мининъ, оборотясь къ сидѣвщему противъ него боярину Колычеву.

— Правда, правда, Козьма Васильевичъ; теперь попьемъ, поѣдимъ а завтра и на званый пиръ...

— Иль вправду, друзья, вы на званый пиръ пришли? а не знаете того, что черные воронья глядятъ на насъ со стѣнъ городскихъ и готовы каркнуть на насъ, проговорилъ томно князь Пожарскій.

— Да, друзья товарищи, можетъ быть намъ дорого придется расплачиваться за этотъ пиръ...

— Что Богъ дастъ, а мы выручимъ нашу матушку Москву бѣлокаменную, сказалъ Мининъ, изъ рукъ своевольныхъ нашихъ мучителей... Нѣтъ, не пировать же

перти, и проклятые ляхи не отворятъ намъ добровольно, ворота придется съ ними поперевѣдаться не на шутку, говорилъ, сидя на скамьѣ, князь Пожарскій, опершись на ладонь.

— Вотъ о чемъ дѣло, князь!.. говорилъ Мининъ, усаживаясь также на скамью возлѣ князя Пожарскаго. Полно-ка думать: утро, говорятъ, мудренѣе вечера. Теперь попьемъ, поѣдимъ, а на утро какъ и встрепанные соколы... Не правда ли, бояринъ, говорилъ Мининъ, оборотясь къ сидѣвшему противъ него боярину Колычёву.

— Правда, правда, Козьма Васильевичъ: теперь попьемъ, поѣдимъ а завтра и на званый пиръ.

— Ой ли вправду, друзья, вы на званый пиръ пришли? а не знаете того, что черные воронья глядятъ на насъ со стѣнъ городскихъ и готовы каркнуть на насъ, проговорилъ томно князь Пожарскій.

— Да, друзья товарищи, можетъ быть намъ дорого придется расплачиваться за этотъ пиръ...

— Что Богъ дастъ, а мы выручимъ нашу матушку Москву бѣлокаменную, сказалъ Мининъ, изъ рукъ своевольныхъ нашихъ мучителей... Нѣтъ, не пировать не

имъ больше на нашей родинѣ: мы поучимъ ихъ русскими саблями и копьями, они узнаютъ, какъ дорога намъ отчизна и святый священный градъ, на который каждый Русскій взираетъ съ благоговѣніемъ... Москва и такъ не мало потерпѣла отъ Татаръ и Литвы, не мало обагрялась кровью вѣрныхъ сыновъ ея, и этотъ святой Кремль, это мѣсто, столь священное для всякаго Русскаго, былъ свидѣтелемъ этихъ ужасныхъ, варварскихъ зрѣлищъ: а теперь что стало съ нимъ? запустѣніе и своеволіе обладаютъ имъ... нѣтъ, мы кровью нашей искупимъ и Москву, и Кремль и Россію — наше любезное отечество!

Такъ говорилъ Мининъ, и слезы лились изъ очей старца патріота, убѣленнаго сѣдинами. Да, онъ плакалъ, какъ вѣрный и нѣжный сынъ о гибели своей матери — земли Русской.

Вождь русскаго войска, отдавъ приказъ по рядамъ сподвижникамъ отечества, предался сну; но нѣтъ, онъ не могъ сомкнуть глазъ: сонъ бѣжалъ отъ него: онъ думалъ и составлялъ въ геройской головѣ своей планы, какъ бы лучше и удачнѣе кончить дѣло спасенія, чтобъ обойтись безъ урона своихъ соотечественниковъ, и даже, если

можно, безъ кровопролитія. Самъ князь Пожарскій щадилъ кровь своихъ собратій, своихъ родныхъ.

Едва зарумянилась заря на восточной сторонѣ небосклона, и осенній сумракъ начиналъ рѣдѣть и просвѣчиваться дневнымъ эфиромъ, —войско русское уже стояло въ боевомъ порядкѣ, и князь Пожарскій уже разъѣзжалъ на ворономъ конѣ. Свѣтило дня выкатилось изъ за горизонта, и передовые были посланы въ столицу Мо-сквы, съ извѣстіемъ о прибытіи войска Русскаго подъ стѣны, а въ случаѣ сопротивленія королевича Владислава, будутъ приняты рѣшительныя мѣры, и Русскіе не пожалѣютъ стѣнъ прадѣдовскихъ и разгромятъ ихъ въ груду камней.

Эта вѣсть была громовой вѣстью польскому королевичу, онъ бѣсился и не зналъ, что дѣлать. Верховный совѣтъ хотя и былъ въ рукахъ его, но какъ городъ былъ безнадеженъ, то ничто не могло служить для пользы Владислава. Ему донесли, что князь Пожарскій главнокомандующимъ надъ войскомъ русскимъ и требуетъ, чтобы Владиславъ оставилъ Москву и немедля отправился въ Польшу. Месть злобы [illegible]

въ душѣ Владислава, и онъ, ожесточенный на Пожарскаго, повелѣлъ съ городскихъ стѣнъ, съ которыхъ грозно выглядывали пушки, открыть смѣлый огонь. Теперь-то завязалась битва не хуже Задонской! Патріотизмъ вспыхнулъ въ сердцахъ Русскихъ, и они полетѣли, какъ львы, на защиту и свободу отечества. Пули, картечь и ядра не устрашили грудь ихъ; да, она горѣла безпримѣрною любовью къ отечеству, и они помчались на побѣду и смерть! Завыла буря русскихъ пушекъ.— Богъ и свобода заводили тысячи голосовъ, и не слышно стало ихъ завыва отъ шума ядеръ и картечи!..

Давнымъ давно смерклось, и въ домѣ крестьянина Ивана Сусанина, зажиточнаго русскаго поселянина села Ипатьева, свѣтлѣлись огни изъ оконъ. Это былъ дѣвичникъ его любезной внучки Маріи. Гурьба народа окружала домъ его. Надобно правду сказать, старикъ веселился, не по лѣтамъ! онъ то пѣлъ пѣсни съ красными дѣвками, то плясалъ и кружился, да, самъ радостно билось его сердце. А чѣмъ же сердце? сказано

друзья мои, что можетъ выразить эту без-отчетную, эту безпредѣльную любовь къ близкимъ сердцу—это какое то чувство неземное, и кто выразитъ словами этотъ непостижимый огонь, который имѣетъ душу!.. такъ любилъ старикъ Сусанинъ свою внучку!

— Не знаю какъ мнѣ благодарить Бога за эту милость, за это счастіе, говорилъ купецъ Гискуновъ, цѣлуя Марію, свою невѣсту. Да, завтра, Марія мы уже навѣки соединимся... зачѣмъ же грустить и плакать: и чрезъ сутки буду твоимъ супругомъ... Марія я понимаю твою грусть, но долгъ супружескій, да и самая религія наша повелѣваютъ тебѣ забыть того, кого избрало противозаконно твое сердце... ты полюбишь меня, Марія.

Марія молчала, и крупныя слезы лились изъ очей ея, и тяжкіе, протяжные вздохи по временамъ вырывались изъ наболѣвшей груди ея.

— Василій Саввичъ? будетъ ли тебѣ любезничать съ твоей голубкой внученькою? такъ говорилъ старикъ Сусанинъ, подходя къ обручившейся четѣ, и не [illegible]

ся и не нацѣлуешься послѣ? Времени много, а жизнь ваша молодая и зелена, какъ былиночка, едва выскочившая, едва поразвернувшая свой зеленый листъ: а вы что вздумали голубиться спозаранку; ну-ко-ка, пойдемте на ваше веселье. Вѣдь Марія-то дорога мнѣ, голубка моя ненаглядная!

И старикъ Сусанинъ, взявъ за руку свою любезную внучку Марію и ея суженаго повелъ съ собою.

— Не правда ли, боярыня матушка хороши, хоть куда?.. какъ будто нарочно родились другъ для друга!.. вѣдь трудно подобрать голубя къ голубкѣ; а молодца къ красной дѣвицѣ и подавно. Не такъ ли, моя родимая? говорилъ Сусанинъ, подводя Марію и ея жениха къ боярынѣ Романовой.

Счастливъ же ты, старикъ, что умѣлъ выбрать добраго молодца своей ненаглядной внучкѣ, сказала Романова: хорошъ дѣтина, хоть куда!

Марія и женихъ ея сѣли возлѣ Романовой. Пѣсни, гудки и свирѣли не переставали во весь вечеръ наигрывать напропал-

вали русскія пѣсни: а красныя дѣвицы, въ свою очередь, хвалили и хулили жениха и невѣсту, а равно и молодцовъ; ожидая себѣ за это награды. Серебряныя монеты сыпались безъ счету имъ въ стопку, которую подносила каждому гостю усердная сваха.

Почти до полуночи продолжались пѣсни и игры: но вотъ боярыня Романова встала и дала знать сыну своему о времени отъѣзда, и скоро съ нимъ отправилась, давъ честное слово старику, доброму Сусанину, быть на свадьбѣ у его внучки. Вслѣдъ за ней также начали разъѣзжаться гости. Марія же пошла въ свѣтлицу свою. Все стихло, все смолкло; наступила полночь.

Вдругъ послышался сильный стукъ у воротъ дома Сусанина. Старикъ едва только смежилъ очи сладкимъ сномъ, какъ отъ этого стука онъ пробудился. Его сынъ, Петръ, не смѣлъ отперетъ воротъ безъ приказанія своего отца. Стукъ въ ворота становился все сильнѣе и сильнѣе. Въ горницѣ всѣ вскочили въ испугѣ.

Сусанинъ самъ вырубилъ огня изъ трутницы, а своего сына, Петра, выслалъ на дворъ узнать причину этого необычнаго стука.

— Отчиняй, отчиняй вороти! прокричало нѣсколько голосовъ, и удары сабель были слышны въ воротахъ. Петръ, испугавшись, вбѣжалъ въ горницу и объявилъ объ этомъ отцу своему. Но едва только онъ успѣлъ проговорить слово, какъ пули раздробили окно ихъ горницы, и ворота съ трескомъ растворились.

— О, Іезусъ, Марія! и ты осмѣлился держать насъ на холоду столько времени? или ты не нюхалъ польской сабли? это не долго, и намъ не станетъ! Такъ говорили въ бѣшенствѣ Поляки, ворвавшиеся въ домъ Ивана Сусанина. Теперь жизнь твоя на волоскѣ... одно спасеніе для тебя будетъ тогда, когда ты проведешь насъ къ Михаилу Романову, въ Ипатьевскій монастырь, который недалеко отсюда; но мы не знаемъ дороги, проводникъ въ монастырь — говорилъ [illegible] смерть [illegible] говорилъ [illegible] изъ [illegible] отчаянной ватаги.

Старикъ Сусанинъ палъ на колѣни, умоляя пощадить жизнь его, далъ клятву исполнить все то, чего они желаютъ. Поляки повѣрили словамъ старика и просили

у него, чтобъ онъ утолилъ ихъ голодъ. Зеленое вино, пиво и медъ, и все, что осталось послѣ вечера было предложено на съѣденіе алчнымъ ляхамъ, злодѣямъ отечества.

Между тѣмъ, пока они наполняли свои чрева, старикъ Сусанинъ въ отдаленной горницѣ разсказалъ своему сыну Петру, о предстоящей гибели боярину Романову и приказалъ ему не медля осѣдлать лошадь и скакать въ обитель Ипатьевскую, чтобъ спасти Михаила для славы и чести земли Русской.—О, какъ слезно и горько было разставаніе Сусанина съ родными; но любовь къ отечеству, любовь къ законному Государю Русскому превозмогла все, и онъ бодро вошелъ въ горницу, гдѣ сидѣли злодѣи.

— Что такъ долго, старикъ! мы уже давно кончили перекуску; пора отправляться съ нами въ дорогу, проговорили два Поляка изъ злодѣйской шайки.

— Да, немного позамѣшкался; вы еще успѣете дойти; а лучше бы сдѣлали если бы завтра чѣмъ свѣтъ, отвѣчалъ Сусанинъ съ горькою улыбкою.

— Нѣтъ, нѣтъ! вскричало нѣсколько голосовъ: намъ ночь дороже дня.... веди насъ сейчасъ же; ты знаешь дорогу, а мы ее и не видаемъ: что за дѣло хоть и темно.

— Если такъ проговорилъ старикъ Сусанинъ, то пойдемте, я укажу вамъ дорогу... Сусанинъ надѣлъ на себя теплый тулупъ и овчинную шапку, три раза поклонился до земли святымъ иконамъ, перекрестился и вышелъ изъ горницы съ злодѣями своего отечества!..

Куда ты ведешь насъ?... не видно не зги!
Сусанину съ сердцемъ вскричали враги:
Мы вязнемъ и тонемъ въ грязи;
Знать вѣрно, братъ, сбился съ пути?
Но тѣмъ Михаила тебѣ не спасти.

N. N.

Была глубокая полночь, темная, морозная. Все безмолвствовало въ природѣ, но безмолствуютъ ли страсти, этотъ вулканъ души злодѣйской, въ которой совѣсть спитъ сномъ непробуднымъ?.. Жажда убить

человѣка, забытаго людьми; но еще жалче судьба того, кого не терзаетъ совѣсть и не упрекаетъ его за отступленіе отъ закона. Отцы святые, люди отшедшіе міра и всѣхъ соблазновъ его, люди; въ сердцахъ которыхъ дѣйствовала сила и благодать Господня, не напрасно изрекли эту святую, эту высокую истину: въ комъ дѣйствуетъ духъ Божій, въ томъ и совѣсть жива, и въ комъ нѣтъ его, у того совѣсть мертва: совѣсть есть орудіе духа Божія и благодати, которое побуждаетъ душу преступную къ раскаянію: а въ комъ нѣтъ раскаянія, въ томъ нѣтъ и благодати и ничего священнаго.»

Но обратимся къ несчастному старику Сусанину. Онъ повелъ злодѣевъ убійцъ въ противную сторону отъ обители Ипатьевской, и вотъ они идутъ часъ и два; снѣгъ скрипитъ подъ ихъ ногами; иногда они тонутъ и вязнутъ въ полузамерзшей тинѣ болотной. Вдали зачернѣлся густой боръ, старикъ Сусанинъ ведетъ польскую шайку туда. Вдругъ одинъ изъ поляковъ проговорилъ звѣрскимъ голосомъ:

— Куда ты завелъ насъ, старикъ? мы всѣ передрогли и вязнемъ и тонемъ въ

[illegible] сбились съ дороги... Смотри же, худо будетъ съ тобою, если ты мыслишь что худое для насъ!..

— Погодите немного, друзья, скоро придемъ мы къ концу, отвѣчалъ Сусанинъ дрожащимъ голосомъ. Видны теперь [illegible] а теперь [illegible] дорога [illegible] очи, уже [illegible] глаза [illegible] радъ [illegible] мѣста, а то [illegible] насъ довести до [illegible] право [illegible] Сусанинъ [illegible]

— Смотри же, старикъ, не заведи насъ въ какое нибудь проклятое болото, проворчалъ другой полякъ.

— Боже оборони — я знаю дорогу, да и кто лучше можетъ знать ее, какъ не я: я въ этой сторонѣ родился, возросъ и состарѣлся, отвѣчалъ Сусанинъ, идя все дальше въ непроходимую глушь. Поляки кряхтѣли и молчали, они съ сильнымъ нетерпѣніемъ ждали конца этого несноснаго пути и мысленно даже проклинали себя, что взялись за такое дѣло.

Прошли они [illegible] пути

и глушъ становились еще и чаще и темнѣй!. .

Вдругъ Сусанинъ остановился.

— Злодѣи мои, проговорилъ Сусанинъ: дорога кочена, и это мѣсто да будетъ моей смертью.,. Я спасъ Махаила Романова, котораго вы чудовищи, хотѣли погубить и теперь жизнію жертвую, жизнію моею *за Царя и Отечество!*

— Чудовище извергъ! завопили Поляки.. умри же несчастный Москаль!... Сабли засверкали надъ головою сына отечества— и душа его отлѣтѣла къ Царю Царствующихъ, и русская кровь обагрила серебристый снѣгъ,—кровь столь священная для каждаго Россіянина.

Совершивъ злодѣяніе, Поляки удалились отъ мѣста преступленія; они шли, не зная куда. Наступилъ уже день, день самый ненастный: дождь и снѣгъ дружно шли вмѣстѣ, какъ будто сама природа возстала на злодѣевъ, убійцъ и оплакивала страдальческую смерть патріота!

«Гдѣ столь былъ яствъ
Тамъ гробъ стоитъ;
Гдѣ пиршествъ раздавались клики,
Надгробные тамъ воютъ лики»...

Державинъ.

Прошло нѣсколько дней отъ этого несчастнаго случая. Семейство Сусанина терялось въ догадкахъ, ожидая возвращенія его, а грусть и тоска легла на ихъ сердца. Какое-то страшное предчувствіе терзало ихъ души. Слезы и рыданія заступили мѣсто радостей. Петръ, старшій сынъ Сусанина, уже нѣсколько дней какъ возвратился изъ обители Ипатьевской съ радостной вѣстью о спасеніи Михаила Романова и его матери, онъ привезъ съ собою богатые подарки благодарности отъ него. Но гдѣ же отецъ? Эта безвѣстность мучила его и всю семью. Потерявъ терпѣніе, Петръ пошелъ въ другую сторону села, чтобъ порасспросить—не видалъ ли кто его отца и не слыхалъ ли чего объ немъ, но отъ всѣхъ получалъ отвѣтъ, грустный его сердцу. Петръ шелъ все дальше по селу и едва миновалъ онъ село, какъ остановился въ раздумьи, куда бы идти теперь ему, но въ это время вдали показались сани.

Они были запряжены въ одну лошадь и въ нихъ сидѣлъ какой то крестьянинъ въ нагольномъ тулупѣ. Петръ все стоялъ на одномъ мѣстѣ; у него обливалось кровью сердце отъ какого то предчувствія. Сани подвигались все ближе и вотъ поравнялись съ Петромъ... Крестьянинъ снялъ шапку, поклонился и остановилъ лошадь.

— Здравствуй Петръ Ивановичъ, сказалъ крестьянинъ, вылѣзая изъ саней, а я къ вамъ въ гости... узналъ ли меня другъ... да я не одинъ, а съ хорошимъ подаркомъ... Петръ узналъ этого крестьянина; онъ былъ лѣсничій дубровы, которая называлась Черной рощею. Сердце у него замерло, и онъ попатнулся.

— Что это значитъ! Афанасій, такъ звали лѣсничаго, сдернувъ рогожу, открылъ Петру изрубленный трупъ его отца.

Петръ ахнулъ и упалъ на снѣгъ, застонавъ жалобнымъ голосомъ сердца...

Петръ любилъ и почиталъ своего отца.

На это печальное зрѣлище сошлось нѣсколько крестьянъ, и каждый съ ужасомъ и сердечнымъ сожалѣніемъ взиралъ на трупъ страдальца патріота.

Трупъ былъ привезенъ въ домъ, и какое печальное зрѣлище представилось: плачъ, рыданія; дѣти и внучки обнимали и лобзали хладный и обезображенный трупъ Сусанина, убѣленнаго сѣдинами и ихъ слезы омывали запекшуюся кровь ихъ родимаго...

На другой день, по совершеніи обряда святой церкви надъ тѣломъ страдальца за Царя и отечество, бренные остатки, посвященные для земли Русской, были преданы землѣ, и слезы и рыданія родныхъ и мирныхъ жителей всего села Ипатьева сопровождали его въ могилу...

О, какъ жалко имъ было повѣрить сырой землѣ и этой мрачной могилѣ тѣло патріота пострадавшаго за нихъ!

На общей сходкѣ села Ипатьева, лѣсничій Черной рощи такъ началъ разсказъ:

— Тому назадъ будетъ дня съ два я былъ въ лѣсу: мнѣ нужно было на рубить нѣсколько ельнику, я и пошелъ въ него; зайдя въ эту глушь, смотрю—на снѣгу кровь... меня морозъ подралъ по кожѣ; иду дальше и—о какой страхъ потрясъ мою

душу! я вижу человѣка изрубленнаго... Перекрестясь я пошелъ: всматриваюсь въ лицо омертвѣлое, что то знакомое мнѣ, и вскрикиваю отъ ужаса: отскочивъ назадъ— я узналъ старика Сусанина... опрометью бѣгу за моими товарищами, объявляю имъ это несчастіе, и при помощи ихъ, собравъ обезображенный трупъ его, вынесъ изъ лѣса и положилъ въ сани. Прошло нѣсколько времени, пока мы все это дѣлали, какъ вдругъ бѣжитъ изъ лѣса мой товарищъ, Трофимъ, отъ страха и ужаса онъ не могъ проговорить ни слова... Наконецъ, придя въ себя, онъ сказалъ, что видѣлъ въ лѣвомъ боку рощи много замерзшихъ какихъ то солдатъ... Мы всѣ съ нимъ тотчасъ туда отправились и что же мы увидѣли?.., это были польскіе солдаты—они всѣ лежали въ кучѣ. Теперь-то мы догадались, что они были убійцы бѣднаго старика Сусанина. Скоро мы выкопали большую яму — и бухъ тда нехристей...

— Туда имъ дорога вскричали всѣ.

Такъ объявилъ лѣсничій и, осыпанный благодарностью и наградами отъ крестьянъ села Ипатьева и отъ семейства Сусанина, отправился въ обратный путь.

Любовь его сразила,
А дружба погребла!

Князь Долгорукій.

Начинало смеркаться. Сани запряженныя парой, тихо тащились по селу и, подъѣхавъ къ церкви, остановились. Двое крестьянъ соскочили съ саней, и одинъ изъ нихъ побѣжалъ въ домъ священника. Скоро усердный стражъ церкви незамѣдлилъ отпереть церковныя двери. Изъ саней вынули сосновый гробъ и внесли въ церковь.

— До завтра, сказалъ священникъ, и снова заперъ церковь.—Прощайте друзья мои!

Священникъ ушелъ домой.

— Ну, Өедоръ, ты ступай съ лошадьми на дворъ; вонъ, кажись, это постоялый, а я только зайду на одну минутку въ одинъ здѣшній домъ, говорилъ крестьянинъ, уходя, своему товарищу.

— Ну, смотри же, Алексѣй, не замѣшкайся, сказалъ его товарищъ, поворачивая лошадей и садясь въ сани.

— Нѣтъ, нѣтъ, тотчасъ вернусь, уходя и махая рукою, говорилъ Алексѣй.

Онъ пошелъ по селу, спрашивая у каждаго о домѣ Сусанина; ему указали его, и крестьянинъ, подойдя къ дому, постучался въ калитку. Лай собакъ раздался на дворѣ, скоро калитка отворилась.

— Кого спрашиваешь, добрый человѣкъ? говорилъ, отворяя калитку, молодой человѣкъ, это былъ купецъ Рискуновъ, женихъ Маріи.

— Да есть до васъ дѣльце, отвѣчалъ крестьянинъ.

— Войди, любезный!

Крестьянинъ вошелъ въ горницу, перекрестился, сдѣлалъ три увѣсистыхъ поклона святымъ иконамъ, и тотчасъ вынулъ что то изъ за пазухи...

— Жива ли, по добру ли, по здорову Марія, если не ошибусь, то сестра твоя? говорилъ крестьянинъ.

— Вотъ она, сказалъ Рискуновъ, указавъ на сидѣвшую у окна дѣвушку, она мнѣ не сестра, а скоро будетъ женой, прибавилъ онъ, потирая руки.

— А мнѣ ее то и надо, сказалъ крестьянинъ. У Маріи при этихъ словахъ сильно забилось сердце.

— Прими-ка, милая, Марія Петровна, твой подарочекъ отъ сердечнаго друга, проговорилъ крестьянинъ, подавая ей свертокъ.

У Маріи задрожали руки; она поспѣшно взяла свертокъ, развернула — и золотое кольцо съ локономъ черныхъ волосъ упали къ ней на колѣни...

Это мое кольцо... оно было у Ивана... а это его волосы... въ изступленіи говорила Марія.

— Ты не ошиблась, несчастная дѣвица: ему теперь ничего не нужно, и онъ просилъ меня при послѣднихъ минутахъ жизни своей несчастной, все это доставить тебѣ...

— Онъ умеръ?.. дрожащимъ голосомъ отчаянія, проговорила Марія.

— Да, умеръ, — и умеръ раскаявшись истиннымъ христіаниномъ, отвѣчалъ крестьянинъ. Да вѣдь онъ здѣсь въ гостяхъ, вотъ видишь ли, въ этой церкви, и лежитъ въ сосновомъ, вѣчномъ жилищѣ...

— Погоди!.. не жги меня... не мучь

меня... въ сумасшествіи вскричала Марія. Онъ тамъ... я здѣсь!... побѣгу, полечу... Иванъ! другъ души моей... ты здѣсь... ты мнѣ отдалъ кольцо обручальное... жестокій Иванъ!..

Марія впала въ глубокое безпамятство; она не плакала и слезы не лились изъ черныхъ очей ея, но грудь кипѣла и вздымалась отъ этого громоваго удара.

Поднялась большая суматоха въ домѣ; всѣ ухаживали за Маріей и женихъ ея рыдалъ какъ ребенокъ, какъ дитя. Крестьянинъ объявилъ Петру Сусанину, что Иванъ, проходя изъ Москвы сюда съ толпою Поляковъ, заболѣлъ жестокою горячкою и оставленъ былъ ими у него въ домѣ, за пятьдесятъ верстъ отсюда, въ деревнѣ Никольской. Опомнившись, онъ просилъ этого крестьянина, чтобъ онъ трупъ его, по смерти, свезъ въ село Ипатьево для преданія землѣ, а этотъ свертокъ вручить Маріи Сусаниной, давъ за эту услугу нѣсколько червонцевъ, что исполнилъ этотъ крестьянинъ съ вѣрностью.

На другой день, по окончаніи ранней обѣдни, приступилъ священникъ къ отпѣванію тѣла несчастнаго юноши.

— Пустите меня, пустите!... раздался какой-то странный голосъ въ церкви, сильно расталкивая народъ собравшійся на это печальное зрѣлище; это была несчастная, убитая судьбою, Марія. Она скоро пробилась сквозь толпу, окружающую гробъ Ивана, и упала въ охладѣлый, окостенѣлый трупъ своего милаго... Она крѣпко обняла близкаго своему сердцу, уста нѣжныя впились въ хладныя уста мертвеца, протяжный стонъ вырвался изъ пораженной скорбью груди ея, и эта невинная, эта ангельская душа отлетѣла отъ земнаго мира... да, они соединились, если не на землѣ, то въ обителяхъ горнихъ, съ душою ея друга, ея милаго!...

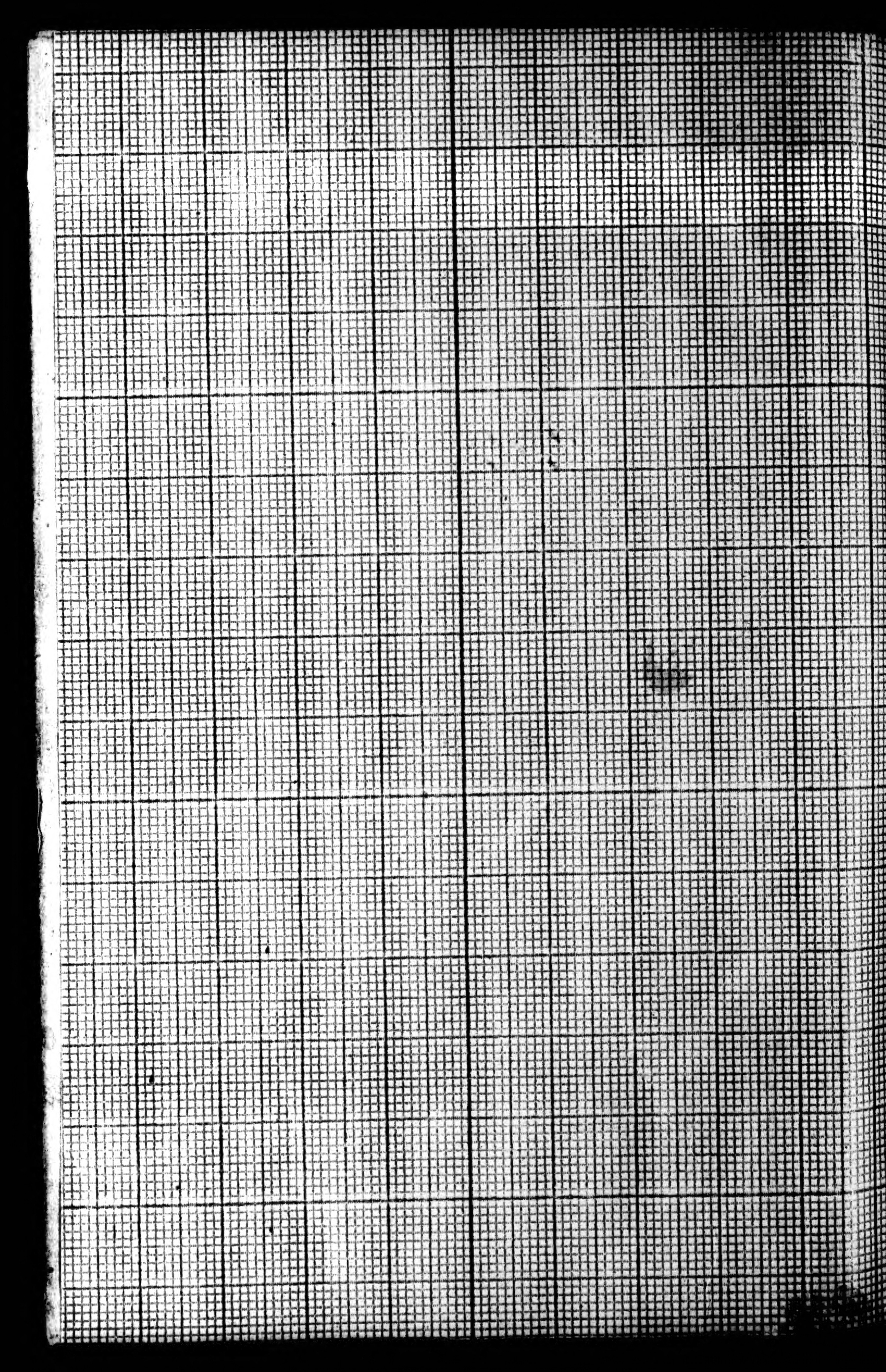
Съ большимъ трудомъ могли оторвать почти охладѣвшее тѣло Маріи отъ гроба, и она легла въ одну могилу съ своимъ другомъ, какъ на землѣ у нихъ была одна душа и одно сердце!..

Бѣдная Марія!...

Купецъ Рискуновъ, послѣ этаго печаль-

наго событія, помчался въ Москву, чтобъ забыть горе,—горе столь тяжкое его сердцу: онъ хотѣлъ даже погибнуть отъ польской злобы, но не доѣжая двадцати верстъ до столицы, онъ узналъ что Москва освобождена. Поляки изгнаны земля русская имѣетъ у себя законнаго Государя, въ лицѣ *Михаила Ѳеодоровича Романова*.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ И ПОСЛѢДНЕЙ ЧАСТИ.

18-

